

По делу «Таисы против Франции», Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой в составе:

г-на Х.Л. Розакиса, *Председателя Палаты Суда*,
г-на Л. Лукаидеса,
г-на Ж.-П. Коста
г-жи Ф. Тюлькенс,
г-на П. Лоренцена,
г-жи Н. Вайич,
г-на А. Ковлера, *судей*,
а также при участии г-на С. Нильсена, *Секретаря Секции Суда*,
проведя 4 мая 2006 г. совещание по делу за закрытыми дверями,
в указанный день вынес следующее постановление:

ПРОЦЕДУРА В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ

1. Дело было возбуждено по жалобе (№ 39922/03) против Французской Республики, поданной в суд 17 декабря 2003 г. согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (*далее* — Конвенция) двумя гражданами этой страны, а именно: г-ном Мухаммедом Таисом и г-жой Сюзетт Таис.
2. Интересы заявителей представлял г-н Винсен, адвокат, практикующий в г. Бордо. Власти Французской Республики (*далее* — государство-ответчик) были представлены в Европейском Суде г-жой Эдвиж Бельяр, директором правового управления Министерства иностранных дел Франции.
3. Заявители утверждали, в частности, что смерть их сына в камере-вытрезвителе полицейского участка в г. Аркашоне произошла в результате чрезмерного использования силы и отсутствия наблюдения и медицинской помощи, что является нарушением требований статьями 2 и 3 Конвенции.
4. Жалоба была передана в производство Первой Секции Суда (пункт 1 Правила 52 Регламента Суда). На основании пункта 1 статьи 27 Конвенции, в составе Первой Секции Суда для рассмотрения дела была сформирована Палата в соответствии с пунктом 1 правила 26 Регламента.
5. 6 октября 2005 г. во Дворце прав человека в г. Страсбурге состоялось слушание дела в открытом заседании, посвященное одновременно рассмотрению вопроса о приемлемости данной жалобы для рассмотрения по существу и по существу дела (пункт 3 правила 54 Регламента Европейского Суда).

На заседании присутствовали:

– со стороны государства-ответчика:
г-жа Анн-Франсуаз Тисье, заместитель начальника отдела по правам человека правового управления Министерства иностранных дел, *уполномоченный Французской Республики при Европейском Суде по правам человека*,
г-н Мостафа Михраж, советник по иностранным делам

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ТАИСЫ [TAÏS] ПРОТИВ ФРАНЦИИ»*

(жалоба № 39922/03)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Страсбург
1 июля 2006 г.

Настоящее постановление является окончательным, но в него могут быть внесены редакционные изменения.

лам Отдела по правам человека правового управления Министерства иностранных дел Франции, *советник*,

г-жа Мари-Одиль Моро, управление по вопросам госпитализации и оказания медицинской помощи Министерства здравоохранения и социальной защиты Франции, *советник*,
г-жа Сандрин Жиль, судья Министерства юстиции Франции, *советник*,

г-н Фредерик Дубле, Министерство внутренних дел Франции, *советник*,

г-н Лионель Разюрьель, Генеральное управление национальной полиции Франции, *советник*;

– со стороны заявителя:
г-н Жак Винсен, *адвокат*.

Суд заслушал заявления г-жи Тисье и г-на Винсена, а также их ответы на вопросы судей.

6. Жалоба была признана частично приемлемой решением Европейского Суда от 6 октября 2005 г.

ФАКТЫ

1. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

7. Заявители родились в 1937 году и 1938 году, соответственно, и проживают в г. Сен Пьер дю Мон.
8. 7 апреля 1993 г. в 7 час. 30 мин. утра сын заявителей Паскаль Таис, родившийся 2 января 1960 г. и больной СПИДом, был обнаружен мертвым в камере полицейского участка г. Аркашона, куда он был помещен за несколько часов до этого с целью вытрезвления. Этому предшествовало несколько событий, в частности: 6 апреля 1993 г., примерно в 19 час. 30 мин., сын заявителей и его жена Вероник Леси попали в незначительное дорожно-транспортное происшествие, а позже были задержаны около 23 час. 00 мин. во время драки в г. Аркашоне и направлены на медицинское обследование в больницу г. Аркашона.
9. По результатам вышеуказанного обследования дежурный врач г-жа Маканга выдала в 23 час. 30 мин. следующую справку об отказе в госпитализации:

«Первичный осмотр: измерение артериального давления: отказ пациента.

Пациент находится в сознании, походка соответствует состоянию опьянения.

Речь связная, но агрессивная.

Травма черепа отсутствует, не считая ссадины на лбу.

Выслушивание сердца и легких не выявило никакой патологии.

Живот мягкий, болевые ощущения отсутствуют.

Неврологические симптомы отсутствуют».

* От редакции: по делу заявители утверждают, что их сын, доставленный в состоянии алкогольного опьянения в полицейский участок и содержащийся там в камере-вытрезвителе, скончался из-за того, что к нему полицейские якобы применяли силу, не предоставили медицинскую помощь и не вели за ним в период содержания в этой камере надлежащего наблюдения, что является нарушением требований статей 2 и 3 Конвенции. Европейский Суд постановил пятью голосами против двух, что имело место нарушение требований статьи 2 Конвенции в том, что касается смерти сына заявителей, и единогласно постановил, что государство-ответчик не выполнило свою обязанность провести эффективное расследование инцидента.

- 10.** После этого Паскаль Таис и его спутница были препровождены в полицейский участок и помещены в камеру-вытрезвитель, расположенную в подвале здания, и в камеру задержанных на первом этаже, соответственно. Из журнала регистрации задержанных, представленного в Европейский Суд государством-ответчиком, следует, что сын заявителя был помещен в камеру-вытрезвитель 7 апреля в 0 час. 15 мин. и что проверки его состояния осуществлялись каждые четверть часа вплоть до 5 час. утра и каждые полчаса вплоть до 7 час. утра. Запись «без перемен» повторяется двадцать три раза в связи с проведенными проверками и зачеркнута только напротив времени 7 час. 30 мин. утра.
- 11.** Именно в это время, то есть в 7 час. 30 мин. утра, сразу после обнаружения безжизненного тела задержанного, начальник отделения полиции вызвал пожарных¹. Первичный осмотр трупа позволил установить, что смерть наступила за 15—20 минут до этого. В 8 час. утра на место происшествия прибыл доктор Гри. Он отметил отсутствие трупного окоченения и указал, что смерть могла наступить за час, но не более чем за два часа до осмотра. В 11 час. утра прокуратура г. Бордо обратилась в генеральный инспекторат национальной полиции с требованием провести расследование причин смерти задержанного и привлечь для этого местное управление судебной полиции г. Бордо.
- 12.** В 12 час. 30 мин. было произведено вскрытие трупа. Проводившие вскрытие патологоанатомы, доктора Рейно и Керотре, представили следующие заключения (на семи страницах), датированные 7 и 9 апреля 1993 г.:

«Судебно-медицинское описание.

Осмотр тела.

Лицо, труп которого был представлен для проведения судебно-медицинской экспертизы, было обнаружено мертвым 7 апреля 1993 г. в 7 час. 30 мин. утра лежащим на животе в так называемой камере-вытрезвителе полицейского участка г. Аркашона. Лицо было помещено в вышеуказанную камеру в 1 час утра, после того, как было осмотрено в больнице, где была выдана справка об отказе в госпитализации. Лицо якобы вело себя беспокойно всю ночь.

Осмотр тела.

— тело лежит на спине (а не на животе, как было указано в предварительном отчете) на полу так называемой камеры-вытрезвителя;

— на нем надеты брюки типа джинсов (обе штанины разрезаны первым врачом, который был вызван на место происшествия при обнаружении мертвого тела), а также кальсоны и пара носков;

— трупное окоченение отмечается в районе шеи и верхних конечностей;

— наблюдаются многочисленные кровоподтеки и ссадины, расположенные на лице, шее, груди и конечностях, рана волосяного покрова в затылочной части головы; фекальные массы вытекают из разрезанных брюк, на цементный пол, напротив головы и плеч отмечаются многочисленные следы крови; на стене, расположенной вдоль бетонного топчана, присутствуют два красных пятна похожих на засохшую кровь, несколько красных пятен присутствуют также на самом топчане.

В результате осмотра было принято решение о перевозке тела в Институт судебной медицины г. Бордо для производства вскрытия.

<...>

Обследование тела:

Голова

— на лбу отмечаются три ссадины на фоне кровоподтека фиолетового цвета;

— с левой стороны лба <...> данные ссадины сопровождаются кровоподтеком с левой и правой стороны лба, причем отмечаются две неявно выраженные вертикальные зоны размером от 3 до 4 мм;

— кровоподтек фиолетового цвета верхнего века правого глаза 4×11 см и, непосредственно над ним, точечный кровоподтек 1×1 см;

— кровоподтек обеих век во внешнем углу левого глаза, он синего цвета и окружен кровоподтеком в виде точек (примерно 2 см в диаметре).

— засохшая ссадина черного цвета на левом виске. Ее верхняя часть расположена горизонтально и составляет 2,2 см в длину и 0,5 см в ширину <...>;

— над этой ссадиной расположен фиолетовый кровоподтек 2 см в диаметре;

— кровоподтек в виде точек фиолетового цвета на правой скуле размером примерно 5×3 см <...>.

Шея

— сплошной кровоподтек петехиального типа с правой стороны шеи, а чуть выше него — фиолетовый кровоподтек

Верхняя правая конечность

— с внешней стороны плеча наблюдается фиолетово-черный кровоподтек размером 2×0,3 см;

— с внешней стороны локтя отмечаются три ссадины <...> на фоне кровоподтека примерно 4 см в диаметре;

— с задней стороны локтя наблюдается засохшая ссадина диаметром 1 см;

— с внутренней стороны локтя отмечаются две ссадины такого же типа и размера, как указанная выше, причем все ссадины сопровождаются кровоподтеками;

— отмечаются фиолетовые кровоподтеки на всей поверхности внешней стороны руки за исключением первой фаланги большого пальца. Все пять костяшек покрыты кровоподтеками, как и внешняя сторона большого пальца на уровне сустава.

Верхняя левая конечность

(наличие нескольких кровоподтеков фиолетового цвета)

Грудная клетка

— точечный кровоподтек на грудной поверхности правой подмышечной впадины размером 3×1 см по вертикали;

— точечный кровоподтек на уровне ребер в средней части правой подмышечной впадины размером 9×2 см, расположенный почти вертикально;

— кровоподтек фиолетового цвета размером 8 см в диаметре с правой стороны мечевидного отростка <...>;

— 3 кровоподтека в левой нижней части груди, в 10 см слева от грудины;

— красной-фиолетовый кровоподтек в виде буквы «V» с передней стороны подмышечной впадины <...>;

— в нижней передней части кровоизлияния в плевральную полость отмечается кровоподтек в виде неясно выраженного четырехугольника размером примерно 5×10 см, расположенный почти по горизонтали;

— кровоподтек в виде точек в средней боковой части кровоизлияния в плевральную полость, расположенный с левой стороны и размером 8×4 см;

— со стороны спины, напротив реберных хрящей (в их средней части) наблюдается подкожный кровоподтек в виде

¹ Пожарные во Франции оказывают также первичную медицинскую помощь (примечание редакции).

точек линзообразной формы размером 12×2 см и расположенный почти вертикально в 10 см от позвоночника <...>;

Живот <...>

— фекальные массы в значительных количествах по всей промежности, в районе лобка и с внутренней стороны бедер <...>

Нижняя правая конечность

— ярко фиолетовый кровоподтек размером 4 см на 2 см напротив правого подвздошного гребня, а также ссадина длиной примерно 1 см, расположенная посередине;

— кровоподтек размером 4 см на 2 см, расположенный 3 см ниже, то есть у основания бедра, с его внешней стороны;

— кровоподтек фиолетового цвета размером 8—4 см, расположенный вертикально на ягодице, а рядом с ним покрывающая струпом ссадина размером 3 см на 3 см. <...>

Заключение

1. Данное тело принадлежит Паскалю Таису, родившемуся 2 января 1960 г., который был обнаружен мертвым около 7 час. 30 мин. утра 7 апреля 1993 г. в камере-вытрезвителе полицейского участка г. Аркашона, куда он был помещен примерно в 1 час утра, после выдачи справки об отказе в госпитализации в больнице Жан Амо.

2. Дознаватели сообщили, что Паскаль Таис был заражен вирусом СПИДа.

3. Внешний осмотр трупа позволил обнаружить ушибленную рану на затылке, ссадины на лице, левом плече, верхних конечностях (в основном на локтях), на правой ягодице, на внешней стороне коленей и бедер, а также многочисленные кровоподтеки, сосредоточенные в основном на лице, шее, груди, верхних конечностях, внешней стороне бедер, причем некоторые из этих кровоподтеков являются сплошными, а другие выражены в виде точек петехиального типа. Некоторые из них выглядят свежими, а другие, судя по их цвету, являются более давними.

4. Вскрытие позволило обнаружить перелом 9 и 10 ребер с левой стороны задней части реберной дуги, ранение нижней доли левого легкого с умеренным кровоизлиянием в плевральную полость, звездобразный разрыв ворот селезенки, который не позволяет сделать заключение о разрыве самой селезенки. Была также обнаружена ушибленная рана селезенки размером 2×3 см на выпуклой стороне фасции.

5. Смерть произошла в результате ушибов грудной клетки и живота и поражения печени, на фоне ослабленного состояния организма, вызванного патологией.

6. Учитывая анатомию травматического поражения селезенки, можно считать, что кровоизлияние в брюшную полость происходило достаточно медленно, то есть, на фоне отсутствия разрыва селезенки, оно не носило катаклизмического характера. В этой связи, поскольку начальное или начальные травматические поражения имели место за несколько часов до смерти, невозможно более точно определить их время, особенно на основании имеющихся данных.

7. Для выработки окончательных заключений экспертам потребуются следующие документы: история болезни лица, результаты анатомио-патологического исследования, результаты тестов на содержание алкоголя и наркотиков, медицинское заключение о результатах обследования в больнице Жан Амо».

13. 13 апреля 1993 г. следственный судья Трибунала большой инстанции г. Бордо дал двум уже упоминавшимся экспертам, то есть докторам Керотре и Рейно, следующее поручение:

«1) Ознакомиться с документами дела, полная копия которого прилагается;

2) Ознакомиться с медицинскими документами;

3) Проанализировать результаты тестов на содержание алкоголя, наркотиков, а также анатомио-патологического заключения, которые будут предоставлены в их распоряжение;

4) Описать общее состояние здоровья потерпевшего до наступления известных фактов и определить сыграло ли возможное ухудшение вышеуказанного состояния определенную роль, явившись одной из причин его смерти;

5) Учитывая, что среди возможных причин ушибов можно отметить дорожно-транспортное происшествие, имевшее место 6 апреля 1993 г. около 19 час. 30 мин. на дороге в г. Сент-Елали ан Борн, драку в г. Аркашоне (6 апреля 1993 г., около 23 час. 45 мин.), силовое задержание (около 0 часов 6 апреля 1993 г.), а также сложности медицинского осмотра в больнице г. Аркашона (около 0 часов 10 мин.), в ходе которого Паскалю были нанесены удары (см. протокол показаний доктора Маканга) и он якобы два раза упал со смотрового стола на металлический табурет (см. протокол показаний полицейских Казнев и Годе).

С точностью определить, какая из двух указанных выше версий явилась причиной смерти, какая из них является более достоверной, следует ли однозначно отклонить обе версии и рассмотреть иные обстоятельства помимо указанных выше;

6) Уточнить, в частности, могли ли телесные повреждения, выявленные в результате вскрытия, быть датированы несколькими часами раньше, учитывая описание поведения Паскаля Таиса вплоть до его смерти, данное полицейскими;

7) Определить могли ли телесные повреждения, приведшие к смерти Паскаля Таиса, быть выявлены в ходе медицинского осмотра в больнице Жан Амо;

8) Уточнить было ли медицинское обследование, проведенное дежурным врачом-практикантом больницы, достаточным для выдачи справки об отказе в госпитализации.

9) Определить явились ли телесные повреждения, обнаруженные на теле Паскаля Таиса, безусловно смертельными, или они могли быть вылечены в случае своевременного обнаружения.

Подробное заключение было представлено экспертами до 15 июня 1993 г. <...>».

14. 19 апреля 1993 г. заявители подали следственному судье Трибунала большой инстанции г. Бордо жалобу с предъявлением гражданского иска в отношении Х. за нанесение побоев и умышленных телесных повреждений, повлекших непредумышленную смерть, а также за неоказание помощи лицу, находящемуся в опасности.

15. 8, 14 и 15 июня 1993 г. эксперты заслушали показания доктора Макамба и двух медсестер, которые находились в больнице, а также сержанта полиции Казнев, младшего сержанта Годе и рядовых Барьер и Бротто. Доктор Макамба сообщила следующее:

«Полицейские появились 7 апреля, примерно в 0 час. 10 мин. Они заявили, что хотят оформить задержание и попросили меня выписать справку об отказе в госпитализации. Задержанный отказывался от медосмотра. Он повторял: «У меня СПИД, гепатит «С», отпустите меня».

Я отметила, что от него пахнет алкоголем.

Задержанный был голым по пояс и на лбу у него были ссадины. Его руки были в наручниках.

Я попросила полицейских помочь мне уложить его на смотровой стол, что они и сделали. Я прослушала его сердце и не обнаружила аритмии. Потом я надела на него манжет тонометра, но он сорвал его, стал сопротивляться и два раза упал со смотрового стола. Не могу утверждать, что при этом он два раза задевал металлический табурет.

Задержанный был в крайне возбужденном состоянии, и полицейским пришлось нанести ему удары дубинками по всему телу, чтобы он дал себя обследовать. Не могу утверждать, что он получил удары по голове. Я повторяла: «Только не бейте его по голове», потому что ситуация начинала выходить из-под контроля.

В какой-то момент задержанный схватил одного из полицейских за галстук.

Во время пальпации ног, бедер и живота, который показался мне мягким, я спросила у задержанного, не испытывает ли он болевых ощущений. Он ни на что не жаловался и отказывался от обследования.

В ходе осмотра я обнаружила у него коричневые пятна на груди дерматозного происхождения. Я не отметила никаких ран на груди, но у меня не было возможности осмотреть его спину. Невозможно было также ввести ему успокаивающее, так как хочу повторить, что он яростно сопротивлялся осмотру и даже пытался меня ударить.

По прибытии задержанного его руки были в крови, и медсестры предложили ему их вымыть.

Задержанный ушел самостоятельно, издавая громкие крики.

Я выдала справку об отказе в госпитализации, поскольку задержанный ни на что не жаловался. Я сочла, что его состояние возбуждения было связано с острым алкогольным синдромом и, кроме того, он двигался нормально и уверенно держался на ногах.

Поэтому, в результате обследования, которое было чрезвычайно затруднено, поскольку, как я уже говорила, задержанный вел себя очень агрессивно, я пришла к выводу, что его состояние не требует госпитализации. Я не отметила у него никакой патологии. Хочу уточнить, что на этот момент мне ничего не было известно о том, что за несколько часов до этого задержанный попал в дорожно-транспортное происшествие.

Задержанный пробыл в смотровой палате примерно 15 минут».

16. Из показаний полицейских, данных 15 июня 1993 г., следует, что сын заявителей уже был покрыт синяками в момент задержания. Кроме того, в ходе проведения медицинского обследования, с целью его усмирения ему были нанесены удары дубинкой по рукам, ногам и груди, а также несколько пощечин. Различия в показаниях появились позже. Так, как утверждал Казнев, задержанный продолжал кричать до 5 утра, то есть до конца его дежурства, а Барьер, который вернулся в 2 час. 50 мин. утра с патрульной службы, показал, что задержанный уже не кричал в 3 час. утра, когда он выходил из участка. И, наконец, как сообщил Годе, жена Паскаля Таиса общалась с ним в 3 час. утра на повышенных тонах. Все свидетели утверждают, что ни одного удара не было нанесено задержанному в полицейском участке.
17. Из показаний медсестер, которые были даны 15 июня 1993 г., следует, что П. Таис вел себя настолько агрессивно, что им пришлось выйти в коридор. Когда же они вернулись, то услышали как врач-практикант сказала «только не бейте по голове». Они отмечают, что у задержанного «была небольшая ссадина на лбу» и что он ушел самостоятельно, «нормальной походкой».
18. 15 октября 1993 г. эксперты представили первое заключение после того, как они ознакомились с материалами дела и показаниями четырех полицейских, которые присутствовали при задержании. При этом двое из них присутствовали во время медицинского обследования в больнице, а все четверо в разное время находились в полицейском участке, когда Паскаль Таис был помещен в камеру-вытрезвитель. Эксперты ознакомились также с показаниями двух медсестер и врача.

1) В отношении полученных травм следует упомянуть дорожно-транспортное происшествие (6 апреля 1993 г., в 19 час. 30 мин.), драку в 19 час. 45 мин., силовое задержание в районе полуночи лица в чрезвычайно возбужденном состоянии, его пребывание в больнице, где его силой удерживали на смотровом столе, с которого он якобы два раза падал, и, поскольку его агрессивность только возрастала, он, как утверждается, получил несколько пощечин и ударов дубинкой по предплечьям, голове и груди. Кроме того, когда его перевозили из больницы в полицейский участок в машине для перевозки задержанных, он якобы бился головой о стенку, а потом, когда его уже поместили в камеру-вытрезвитель, он якобы кричал всю ночь. За ним наблюдали, но никто не входил в камеру, не считая одного раза, когда ему принесли воды. В 7 час. 30 мин. утра задержанный был обнаружен лежащим без признаков жизни на животе на бетонном полу камеры. Смерть была констатирована в 8 часов утра.

2) После ознакомления с историей болезни эксперты отметили, что Паскаль Таис был наркоманом. В 1986 году он был признан ВИЧ-инфицированным. В связи с его ВИЧ-инфицированностью, он страдал иммунодефицитом, лечение которой приносило только временное облегчение, поскольку уровень тромбоцитов продолжал оставаться нестабильным. С клинической точки зрения, тромбопения выражалась в виде пурпуры и подкожных кровоизлияний. Эксперты отметили, что лечащие врачи предложили Паскалю операцию по удалению селезенки или ее радиотерапию и что он отказался от предложенного лечения. Из истории болезни следует также, что больной был принудительно помещен в психиатрическую больницу и пробыл там два месяца.

3) Тест на содержание алкоголя показал наличие 1,4 грамма алкоголя на литр крови, что, по мнению экспертов, соответствует содержанию примерно 2,85 г/л на момент задержания в полночь. Тест на содержание наркотиков не выявил наличия наркотических веществ. С анатомо-патологической точки зрения, исследованные органы (сердце, легкие, селезенка, печень, почки, поджелудочная железа) не имели особых поражений и не были инфицированы. При этом отмечается кровоизлияние в области селезенки, жировое перерождение печени и последствия поражения почек.

4) Эксперты отметили несомненное наличие патологического состояния и склонность к алкоголизму, которая отмечается в медицинских документах и получила свое подтверждение во время указанных выше событий в форме повышенного содержания алкоголя в крови. Все это могло снизить сопротивляемость лица в отношении любых травматических воздействий. При этом эксперты напомнили, что непосредственной причиной смерти явилось травматическое поражение селезенки и вызванное им кровотечение, а не состояние тяжелого алкогольного опьянения или ВИЧ-инфицированность, которые могли только способствовать летальному исходу по указанным выше причинам.

5) Поскольку лицо в состоянии опьянения часто не ощущает боли и не может пожаловаться на болезненные ощущения в том или ином органе, каждая из травм, полученных Паскалем Таисом с момента дорожно-транспортного происшествия 6 апреля 1993 г. и медицинского освидетельствования в больнице, могла привести к поражению селезенки, невозможно определить это более точным образом. В отношении 0 часов 10 минут 7 апреля, когда Паскаль Таис был направлен на предмет медицинского осмотра в больницу, эксперты сожалют, что не было проведено более полное обследование, которое позволило бы с максимальной точностью определить состояние задержанного. В отношении перевозки задержанного в полицейский участок и его пребывания в камере-вытрезвителе, эксперты утверждают, что рана в области волосяного покрова головы была, скорее всего, нанесена именно в этот период, поскольку невозможно было не

заметить ее во время медицинского обследования в больнице. Речь идет об ушибленной ране, либо в результате падения назад и удара об острый угол, либо причиненной ударом тупым предметом.

И, наконец, объясняя многочисленные кровоподтеки, обнаруженные в ходе вскрытия, эксперты считают необходимым подчеркнуть следующее: задержанный обладал повышенной чувствительностью и кровоподтеки могли возникнуть в результате менее значительных травматических воздействий, чем у здорового человека.

6) Эксперты отмечают, что некоторые травматические повреждения селезенки дают достаточно ясную клиническую картину только спустя некоторое время (до трех недель). В том, что касается вида повреждения, обнаруженного в данном случае, минимальное время между повреждением селезенки и смертью, должно составлять несколько часов.

7) Если придерживаться версии, что данные повреждения могли быть обнаружены во время медицинского обследования в больнице, следует отметить, что агрессивность задержанного не позволила провести более тщательное обследование, тем более что его поведение испугало женский медицинский персонал. Вышеуказанные повреждения могли бы быть обнаружены в результате более полного обследования с использованием эхографии.

8) Эксперты уточняют, что проведенное обследование представляется недостаточным для выдачи справки об отказе в госпитализации. Тем не менее, учитывая условия проведения обследования, а также тот факт, что врач не могла рассчитывать на помощь медицинского персонала, способного оказать физическое воздействие на задержанного, она сделала все, что было в ее силах. Только принудительное введение успокоительного препарата могло бы обеспечить проведение полного обследования. Эксперты считают, что с точки зрения врачебной этики, врач должна была попытаться подписать так называемую справку о снятии с себя ответственности и указать в справке об отказе в госпитализации, что пациент оказывал яростное сопротивление, что вполне подтверждается данными следствия.

Помещение в психиатрическое отделение представлялось трудно осуществимым в условиях больницы Жан Амо.

9) Имеющиеся телесные повреждения не являлись несовместимыми с жизнью, и при условии их своевременного обнаружения могла быть проведена операция по удалению селезенки, которая могла бы обеспечить выживание Паскаля Таиса. При этом невозможно утверждать, что пациента удалось бы спасти, если диагноз был бы поставлен незамедлительно, так как состояние тяжелого алкогольного опьянения и наличие тяжелой патологии могли оказать отрицательное влияние на исход операции.

19. 26 октября 1993 г. расследование причин смерти и производство по жалобе с предъявлением гражданского иска в отношении Х. были объединены в одно производство.

20. 10 февраля следственный судья допросил дежурного врача г-жу Маканга. Ниже приводятся ее показания:

«Около полуночи двое полицейских привели ко мне молодого человека. Они сказали, что им требуется справка об отказе в госпитализации, чтобы оформить его задержание и препроводить в полицейский участок. <...> Молодой человек вел себя очень агрессивно на словах. Он кричал, что не болен и не хочет никакого обследования. Тем не менее он объяснил мне, что он ВИЧ-инфицирован и что у него был гепатит. Я стала задавать ему вопросы о состоянии здоровья, но все его ответы сводились к тому, что он не болен и не желает проходить обследование. Я заметила, что от него пахнет алкоголем, и объяснила, что, поскольку он не болен, ему нечего опасаться. Я сказала, что обязательно

должна его осмотреть, а для этого он должен лечь на смотровой стол. Вот тогда-то его агрессивность, которая до сих пор выражалась на словах, стала физической. Он стал отчаянно вырываться, когда два полицейских силой уложили его на стол, при этом один удерживал его за ноги, а другой за плечи. Мне удалось приложить стетоскоп к его груди. Я не обнаружила никаких осложнений со стороны сердца, но отметила свежую ссадину на лбу и коричневые пятна на туловище, которые я сочла последствиями дерматоза. Мне удалось провести пальпацию нижних конечностей и живота пациента. Я не обнаружила никакой патологии, и живот был мягким. Пациент по настоящему разбушевался, когда я попыталась надеть ему на руку манжет тонометра. Ему удалось сорвать манжет и уронить штангу прибора. Именно тогда он упал в первый раз. Это случилось, когда полицейские пытались снова уложить его на стол. Таис стал наносить им удары ногами и руками, скованными наручниками. Несмотря на это полицейским удалось снова уложить его на стол и прижать к поверхности стола. Я снова попыталась надеть на него манжет, чтобы измерить давление, но он опять сорвал его, продолжал вырываться и даже схватил за галстук полицейского, который держал его за плечи. В конце концов ему удалось вырваться, и он во второй раз упал со смотрового стола. Уже лежа на полу, он продолжал вырываться и даже пытался наносить удары полицейским. Тогда один из полицейских стал в свою очередь наносить ему удары дубинкой. Я потребовала прекратить избивание, сказав, что мы находимся в больнице. Полицейский меня послушался. После этого Таис поднялся с пола. Он передвигался нормально и продолжал громко кричать. Тогда я написала справку об отказе в госпитализации, которую я передала полицейским. Полицейские увели Таиса и вернулись примерно через четверть часа, на этот раз со спутницей Таиса. С ее обследованием у меня не было никаких проблем. Я отметила состояние сильного алкогольного опьянения, о котором она сообщила мне сама, как и о том, что является ВИЧ-инфицированной. В результате обследования не было выявлено никакой патологии.

[на вопрос о применении силы полицейскими врач дала следующий ответ]: «Все произошло очень быстро. Полицейский стал наносить удары по всему телу и, когда я увидела, что он бил его по голове, я потребовала прекратить».

«Всё происходило в неразберихе, и полицейский стал наносить удары задержанному по всему телу. Я по-настоящему испугалась, что ситуация выйдет из-под контроля и потребовала, чтобы Таиса не били по голове. Не могу с уверенностью утверждать, что Таис получил удары именно по голове, но не могу утверждать и обратное». [на вопрос о полноте проведения медицинского обследования врач ответила]: «Проведенное мной медицинское обследование было неполным и мне самой хотелось провести его более тщательно. Однако у меня не было такой возможности поскольку пациент решительно отказывался от обследования и вел себя настолько агрессивно, что не представлялось возможным провести некоторые исследования. Тем не менее, учитывая, что пациент был в сознании, и абсолютно ни на что не жаловался, что подтвердилось в ходе прослушивания сердца и легких, я сочла возможным выписать справку об отказе в госпитализации».

[врач прокомментировала следующим образом фотографии, сделанные во время вскрытия]: «На различных фотографиях, которые были мне представлены (в частности с 19 по 26 фотоальбома D60) я обнаружила кровоподтеки, которых не было на момент проведенного мной медицинского обследования. На фотографиях можно видеть темные пятна, которые я отметила в ходе осмотра, но также гораздо более свежие кровоподтеки, которые появились уже после обследования. Не думаю, что рана воло-

сяного покрова головы в районе затылка была нанесена во время медосмотра в больнице. Поскольку она кровоточила, мы ее обязательно заметили бы».

21. 18 апреля 1994 г. следственный судья поручил доктору А. (психологу) представить свои замечания в отношении всех медицинских документов, касающихся Паскаля Таиса.
22. 1 июля 1994 г. следственный судья санкционировал проведение дополнительной экспертизы, которую поручил докторам Керотре и Рейно. При этом ставилась задача определить, могли ли переломы 9-го и 10-го левых ребер, обнаруженные в ходе вскрытия, явиться причиной раны нижней доли левого легкого и разрыва селезенки. Ставилась также задача определить, были ли эти травмы причинены до, во время или после разрыва селезенки и могли ли вызываемые ими болевые ощущения восприниматься пациентом, несмотря на состояние алкогольного опьянения.
23. Психолог представил свое заключение 7 октября 1994 г.:

Преамбула

<...> Г-н и г-жа Таис уже более года требуют расследования обстоятельств смерти их сына и предпринимают все возможное, пытаясь доказать, что смерть Таиса произошла в результате избиений и насильственных действий якобы допущенных полицейскими. Данная версия приобрела в их случае форму «внутреннего убеждения» и даже непрекращаемой истины, которую не смогли поколебать различные следственные действия, слушания, проверки, очные ставки, экспертизы и дополнительные экспертизы, проведенные в рамках этого дела. Более того, они только усилили их убежденность в обратном. Таким образом, и г-н Таис и г-жа Таис более чем когда-либо убеждены, что их сын, как они утверждают, «был убит», оказавшись «невинной жертвой неслыханного варварства», как пишет мать Таиса в посвященной ему брошюре, и что родители «требуют восстановления справедливости».

«Паскаль Таис скончался 7 апреля 1993 г. в помещении полицейского участка г. Аркашона после того, как был задержан накануне ночью в состоянии алкогольного опьянения и крайнего возбуждения.

Вне зависимости от обстоятельств его смерти, расследование которых не входит в нашу компетенцию, внимательное изучение материалов его дела, особенно касающихся его медицинских документов, писем, писем его матери и бесед с его отцом, позволяет дать в общих чертах психологический портрет этого молодого человека.

Анализ

«<...> Дело в том, что более ясное понимание психических проблем личности Паскаля, характеристику которой мы уже дали, неизбежно привела бы его родителей к мысли о том, что «убийц» их сына следует искать отнюдь не среди тех, кого они считают таковыми. Они не исключают такую возможность, но она является для них лишь проекцией, в которой она ищет защиту от собственных страхов и тревоги. Так, подменяя себя «другим» они избегают тем самым возможного чувства вины перед тем, что они сделали сами и защищают себя таким образом от страха перед этим. Отсюда настоятельная потребность в процессуальных действиях с использованием всех возможностей для навязывания собственной точки зрения, потребность в использовании всех способов обжалования, которые позволили бы им отдалить от себя то, с чем они не могут смириться. Однако, в конечном счете, все это бурное и даже патетическое крикотворство не может избавить их от необходимости переосмысления собственной позиции, причем вне зависимости от исхода вестимого в настоящее время расследования».

Заключение

Как нам представляется:

- 1) Паскаль Таис был ребенком, которого обожали, баловали и всячески защищали родители;
 - 2) по словам отца Таиса, в детстве этого золотого ребенка было сделано всё, чтобы избавить его от лишений, фрустрации и развить его интеллектуальные способности;
 - 3) у него всегда были особые, почти исключительные отношения с матерью, которые строились на основе четко просматривающегося Эдипова комплекса;
 - 4) отец так и не стал для ребенка авторитетом и не проявлял особого желания разорвать путем символической кастрации патологическую связь между матерью и ребенком;
 - 5) этим объясняется появление у Паскаля чувства собственного всемогущества и отторжения кастрации, которое проявилось в виде «тонкой и эротической» игры со смертью путем ухода в наркоманию, а также ВИЧ-инфицированности;
 - 6) это ощущение собственного величия сопровождалась болезненным удовлетворением, которое он испытывал, противодействуя любым проявлениям заботы о нем, что только способствовало усилению вышеуказанного ощущения;
 - 7) все антисоциальные, преступные, провокационные, агрессивные и прочие модели поведения играли роль защитных механизмов перед страхом кастрации, который проявлялся в форме психопатического поведения;
 - 8) для такого типа личности интеллектуального типа характерен уход от любой формы принуждения, любой фрустрации и любых обязанностей, обходя при этом закон или используя его в собственных интересах, или даже манипулируя им, пытаясь извлечь из этого преимущества;
- Вот основные слагаемые личности Паскаля Таиса, которые вытекают из предпринятого нами исследования.
- Нет никакого сомнения в том, что они значительно отличаются от того, что (заявители) утверждают в отношении своего сына, как и в том, что его идеализация не соответствует антиобщественной модели его поведения в плане общения с окружающими.
- В этой связи, вне зависимости от реальных обстоятельств смерти Паскаля, заявители могут по-настоящему смириться с его смертью, только взглянув правде в лицо, а все их поведение отнюдь этому не способствует».

24. 28 ноября 1994 медицинские эксперты представили второе заключение, в котором, в частности, указывалось:

«Переломы 9-го и 10-го левых ребер, которые были неопровержимо доказаны в ходе вскрытия, свидетельствуют о сильном ушибе. Учитывая анатомическое положение нижней доли левого легкого, данные переломы могли причинить ранение нижней доли вышеуказанного легкого.

Как представляется, переломы ребер не могли непосредственно привести к разрыву селезенки, но одно и то же травматическое воздействие могло привести и к перелому ребер и к разрыву селезенки.

Эксперты не располагают судебно-медицинскими данными, позволяющими утверждать, что вышеуказанные переломы произошли до, во время или после разрыва селезенки.

И, наконец, исходя исключительно из факта переломов 9-го и 10-го левых ребер, следует признать, что данные переломы не обязательно могли вызывать болевые ощущения, которые к тому же сглаживались обезболивающим эффектом в результате принятия большой дозы алкоголя, поэтому пациент мог не жаловаться на боли как во время медицинского обследования в больнице, так и в течение ночи, проведенной в помещении полицейского участка <...> если предположить, что вышеуказанные переломы предшествовали задержанию Паскаля Таиса».

25. 28 ноября 1994 г. следственный судья поручил тем же экспертам проведение еще одной экспертизы, чтобы ответить на следующие вопросы:

«Если обнаруженный в ходе вскрытия разрыв селезенки действительно произошел в результате конкретного удара, описать его и указать явился ли вышеуказанный разрыв результатом, учитывая конкретные обстоятельства дела, удара ногой, кулаком в живот, падения на металлический табурет во время медосмотра, удара о руль автомобиля во время дорожно-транспортного происшествия, или связан с иной причиной, которую предстоит определить;

Мог ли перелом двух ребер вызвать определенную реакцию организма и описать ее;

Была ли рана кожного покрова затылочной части головы нанесена в результате удара о стену камеры-вытрезвителя;

Уточнить может ли воспроизведение в их присутствии обстоятельств медицинского осмотра в больнице пролить свет на обстоятельства смерти».

26. 17 января 1995 г. заявители направили следователю письменное заключение доктора Лашез, который ознакомился с заключением по результатам вскрытия тела и указал следующее:

«Прежде всего, я хочу отметить очень большое количество ран и кровоподтеков, обнаруженных судебно-медицинским экспертом, а также их тяжесть. Это позволяет предположить, что они были вызваны сильными ударами, в частности ударами ногой (рана головы в области затылка). Я считаю, что причиной смерти было обнаруженное внутреннее кровотечение в область брюшины (2 л крови). Данное кровотечение связано с разрывом ворот селезенки в результате перелома 9-го и 10-го левых ребер. При таких переломах дистальный конец сломанного ребра обычно смещается и вызывает повреждение легкого, плевры и расположенной ниже селезенки. В данном случае не наблюдается разрыв селезенки, а ушиб ее выпуклой части, который вызвал резкое смещение и отрыв ворот селезенки. С моей точки зрения, вышеуказанная травма вполне соответствует кровоподтеку размером 10 см на 2 см грудной клетки в 10 см от позвоночника, а также положению сломанных ребер, и могла произойти в результате удара ногой (удар должен был быть очень большой силы, чтобы вызвать перелом ребра у молодого человека). Разрыв селезенки не сопровождался резким кровотечением, поэтому трудно сказать через какое время гематома достигла объема в 2 л. Но, в любом случае, и переломы ребер, и кровотечение в область брюшины сопровождаются болевыми ощущениями и вызывают учащенный пульс еще до появления нарушений кровяного давления. Врач, которая осматривала пациента в районе полуночи, ничего этого не отметила, как не отметила и наличия кровоподтеков и следов крови на одежде (неужели она не заметила и рану на затылке?). Из этого можно сделать вывод, что удары были нанесены уже после медицинского обследования. Молодой человек, несомненно, испытывал страдания, так не был настолько пьян (мертвецки пьян), чтобы не держаться на ногах, и алкоголь не мог полностью снять болевые ощущения. Он, должно быть, чувствовал, что умирает по мере усиления кровотечения, и его крики отражали смесь боли, страха и <...> ненависти <...>».

27. 26 апреля 1995 г. доктора Керотре и Рейно представили свое третье заключение, в котором, в частности, указывалось:

«Травматическое поражение селезенки не имеет судебно-медицинского характера, который позволяет отнести ее к

определенному типу травмы, а указанное выше поражение могло быть вызвано любым из перечисленных травматических воздействий, поэтому нам не представляется возможным сказать ничего более конкретного.

Обнаруженные переломы ребер могли вызывать болевые ощущения и умеренные респираторные симптомы. Эксперты отмечают, что смещение ребер в районе перелома бывает первичным и вторичным и может вызвать перфорацию легкого. Они напоминают, что состояние сильного алкогольного опьянения может ослабить и даже снять болевые ощущения и замаскировать респираторные последствия, тем более что, как было сообщено экспертам, пациент находился в состоянии сильного возбуждения.

Рана кожного покрова головы, с учетом ее морфологии и расположения, могла быть вызвана ударом головой о стену.

С судебно-медицинской точки зрения воспроизведение событий не может способствовать прояснению обстоятельств и причин смерти».

28. 2 июня 1995 г. заявители потребовали проведения новой судебно-медицинской экспертизы на основе экспертизы, проведенной доктором Лашез по вопросам, определяемым сторонами, а также организацию воспроизведения обстоятельств медицинского обследования в больнице. Своим постановлением от 13 июня 1995 г. следственный судья согласился на проведение новой экспертизы, но отклонил другие требования.

29. 28 августа 1995 г. следственный судья поручил провести новую экспертизу докторам Ротюро и Кампана, включенным в национальный список судебных экспертов, которые пришли к следующим заключениям:

«Исключительной причиной смерти Паскаля Таиса явилось внутреннее кровотечение, вызванное сильным ударом в спину в районе основания грудной клетки.

Отчет о вскрытии и анатомо-патологический анализ внутренних органов Паскаля Таиса не содержит никаких указаний на причины смерти: селезенка находилась в нормальном состоянии (имела нормальный вес) и поэтому не должна была обладать особой чувствительностью к ударам. В ходе вскрытия не было отмечено прикуса языка, что свидетельствует об отсутствии эпилептического криза, который мог вызвать резкое падение и нанесение травмы. Тем не менее в медицинской карте указано, что г-н Таис был болен СПИДом, а это заболевание вызывает значительное сокращение уровня тромбоцитов и серьезное нарушение свертываемости крови, что следует отметить в качестве причины, объясняющей быстрое развитие внутреннего кровотечения в области брюшины.

Ни одна из следующих версий в отношении событий, происшедших после 19 час., не объясняет наличие смертельных поражений. Так, дорожно-транспортное происшествие не имело серьезных последствий и не объясняет наличие сильного удара в области спины. Спутница Таиса вообще не пострадала в результате дорожно-транспортного происшествия. Кроме того, поведение Таиса и его спутницы в течение нескольких последующих часов свидетельствует о том, что они были в хорошей физической форме. Как следует из материалов дела, драка в Аркашоне и «силовое» задержание, как и два падения со смотрового стола (высотой 75 см) на металлический табурет (высотой 45 см) не объясняют телесного повреждения, повлекшего смерть. Не вызывает сомнения, что сильный удар ногой, нанесенный потерпевшему в положении лежа во время медицинского обследования мог вызвать переломы ребер и разрыв селезенки, но эта версия опровергается свидетельскими показаниями дежурного врача и медицинского персонала. Кроме того, несмотря на состояние алкогольного опьянения, такой удар вызвал

бы обморок прямо на полу, поэтому подобные объяснения должны быть решительно отклонены. Нам не известно, что происходило во время перевозки задержанного в полицейский участок, но, как представляется, никто из полицейских не входил в камеру-вытрезвитель в течение ночи.

Поражения, обнаруженные в ходе вскрытия, произошли не более чем за два часа до смерти, то есть в районе 7 часов утра.

Логично предположить, что один и тот же удар вызвал переломы 9-го и 10-го левых ребер и разрыв селезенки. Эти поражения находятся рядом, имеют размер 10 см в диаметре и расположены с левой стороны основания спины. Мы считаем, что переломы ребер почти наверняка произошли одновременно с разрывом селезенки. Даже состояние сильного алкогольного опьянения (за исключением состояния алкогольной комы) не может полностью снять болевые ощущения, особенно вызванные переломом, который всегда сопровождается острой болью и физической травмой.

Поражения селезенки, описанные в отчете о вскрытии тела, включают кровоизлияние под фиброзной капсулой, звездообразную рану на уровне ворот селезенки без явно выраженного отрыва сосудов. Подобные поражения обычно развиваются в два этапа (сначала образуется гематома внутри селезенки, которая потом прорывается в брюшную полость под воздействием обильного и резкого кровотечения). Кроме того, не исключена возможность разрыва крупного сосуда внутри самой селезенки, которая не была отмечена в ходе вскрытия. Следует также принять во внимание нарушение механизма свертываемости крови в результате патологического падения уровня тромбоцитов, что увеличивает интенсивность кровотечения, которое, в противном случае, происходило бы медленнее, было бы не таким обильным, и гематома образовывалась бы постепенно.

Резкое падение с ударом об острый угол бетонного топчана представляется нам наиболее вероятной причиной травмы, расположенной с левой стороны основания спины, которая привела к переломам 9-го и 10-го левых ребер, перфорации легкого и разрыву селезенки. Версия об ударе ногой со всего размаха по левой стороне спины задержанного в то время, когда он лежал на полу между стеной и топчаном, плохо сочетается с данными дела и размерами камеры.

Рана на затылке является ушибленной, имеет поверхностный характер и похожа на травмы, полученные в результате соприкосновения с твердой поверхностью. Возможно, что она была получена одновременно с падением на топчан.

Версия о том, что травмы, обнаруженные в ходе вскрытия, произошли раньше осмотра задержанного в отделении срочной медицинской помощи больницы Жан Амо, не имеет на наш взгляд под собой основания.

Выдача справки об отказе в госпитализации основывалась, во-первых, на прослушивании, пускай даже поверхностном, сердца и легких и, во-вторых, на агрессивном поведении пациента в отношении полицейских, которое свидетельствовало об отсутствии у него серьезной патологии. Задним числом вскрытие показало (исключая смертельную рану, которая, как мы считаем, была нанесена уже после медицинского осмотра) отсутствие патологических или травматических повреждений, которые потребовали бы госпитализации.

Повреждения, обнаруженные на теле Паскаля Таиса, не являлись несовместимыми с жизнью и поддавались лечению при условии их своевременной диагностики в иных условиях».

30. 29 апреля 1996 г. заявители обратились с ходатайством о проведении следственного эксперимента с воспроизведением обстоятельств смерти их сына в помещении полицейского участка, утверждая, что версия о падении не имеет под собой оснований.

31. Своим постановлением от 21 мая 1996 г. следственный судья отклонил данное ходатайство по следующим основаниям:

«Учитывая, что обстоятельства, при которых у потерпевшего произошел разрыв селезенки, представляются неизвестными, поскольку все четыре эксперта, которые исследовали этот вопрос, смогли выдвинуть лишь гипотезы, не имеет никакого смысла проводить воспроизведение событий, тем более что нам ничего точно не известно об условиях, в которых они происходили. Поэтому не может быть и речи о проведении реконструкции событий (с воспроизведением падения задержанного даже с участием его отца), поскольку при этом нанесение травм представляется неизбежным».

32. 30 мая 1996 г. следственный судья отклонил еще одно ходатайство о проведении следственных действий.

33. 28 июня 1996 г. следственный судья вынес постановление о прекращении дела:

«В ночь с 6 на 7 апреля 1993 г., незадолго до полуночи, к мобильной группе полицейского участка г. Аркашона обратился водитель, который сообщил полицейским о драке перед городским казино. В 0 час. 10 мин. на место происшествия прибыли две машины с оперативными сотрудниками, которые обнаружили Паскаля Таиса. Он находился в очень возбужденном состоянии и выкрикивал угрозы в адрес группы зевак.

Заметив полицейских, он переключился на них и двинулся в их сторону, выкрикивая оскорбления и заявляя, что он болен СПИДом и обязательно «заразит фараона до того, как сдохнет сам». При этом он снял куртку и футболку, демонстрируя покрытые кровью руки.

Когда полицейские попытались успокоить его, Паскаль Таис, который находился в состоянии опьянения, оказал сопротивление, и полицейским пришлось применить силу.

Полицейские уложили его на землю, чтобы надеть наручники, но в этот момент его спутница Вероник Леси, также находившаяся в состоянии опьянения, набросилась на полицейских, чтобы освободить своего друга. К ней также пришлось применить силу.

Оба задержанных были перевезены в больницу г. Аркашона. Приведенный к дежурному врачу-практиканту, Паскаль Таис стал ее оскорблять, отказываясь проходить обследование, и к нему опять пришлось применить силу в строго необходимых пределах. В присутствии персонала больницы сержант Казнев нанес ему несколько ударов дубинкой по предплечьям, чтобы его успокоить. Врач-практикант доктор Маканга утверждает, что полицейские также наносили задержанному удары ногами и дубинкой по голове.

Доктор Маканга выписала справку об отказе в госпитализации.

Вероник Леси прошла медицинское обследование, не оказав сопротивления, и сообщила врачу, что она сама и ее муж больны СПИДом.

Когда Паскаля Таиса уже подвели к служебному автомобилю «R5», он разбил ударом ноги правое зеркало заднего вида. Следы неопознанной человеческой крови были позднее обнаружены в нижней части левой задней двери и по всему ее периметру.

Паскаль Таис бился головой о плексигласовое стекло машины в течение всего времени следования в полицейский участок, где он был помещен в камеру-вытрезвитель, расположенную в подвале, а Вероник Леси в помещении для задержанных на первом этаже.

Учитывая их агрессивное поведение, задержанных не стали подвергать проверке на алкоголь. Паскаль пытался даже

заняться оральным сексом со своей подругой в помещении полицейского участка в присутствии сотрудников, которым опять пришлось применить силу.

Хотя их и развели по разным камерам, задержанные продолжали общаться друг с другом и выкрикивали ругательства в адрес охранников, когда те пыгались к ним приблизиться.

Один из свидетелей, речь идет об Алане Кюрснере, пасторе Реформатской церкви, который зашел в это время в участок, отметил спокойствие, с которым сержанты Годе и Казнев выслушивали весь этот поток оскорблений.

В течение всей ночи полицейские регулярно проверяли состояние задержанного.

В 7 часов утра Паскаль Таис снова принялся оскорблять сержанта Граннек и разгорелась словесная перепалка между ним и младшим сержантом Лассюс, о чем имеется запись в журнале регистрации задержанных.

В 7 час. 30 мин. утра, когда сержант Граннек спустился в подвал, чтобы проверить состояние Паскаля Таиса, последний лежал на животе на полу камеры и не отвечал на вопросы. Он не дышал, и его лицо было фиолетового цвета. <...>

Из проведенного расследования и материалов повторной судебной экспертизы следует, что травма, возможно, были причинена во время вытрезвления, потому что Паскаль Таис, учитывая его состояние, был помещен в камеру-вытрезвитель, а не в помещение для задержанных. Несмотря на многочисленные проверки, проведенные в ходе дознания, а затем и следствия, не представилось возможным определить происхождение этой травмы.

И действительно, если первоначальные версии, сводившиеся к тому, что причины смерти следовало искать в драке, дорожно-транспортном происшествии, условиях задержания, даже избиении задержанного полицейскими до его доставления в полицейский участок, должны быть однозначно отвергнуты, то судебное следствие также не позволило пролить свет на то, что на самом деле произошло утром 7 апреля 1993 г.

Тем не менее в результате проведенного расследования, ничто не позволяет возлагать вину на полицейских, дежуривших в участке, которые, как представляется, в течение всей ночи регулярно наблюдали за состоянием задержанного, а после обнаружения его безжизненного тела, постарались оказать необходимую реанимационную помощь, которая, к сожалению, оказалась уже бесполезной.

Таким образом, учитывая данные последней экспертизы, наиболее вероятной — хотя и недостаточно подтвержденной фактами — представляется версия от том, что смертельная травма была нанесена в результате падения, причем не представляется возможным установить было ли данное падение умышленным или неумышленным.

Из этого следует, что, поскольку были проведены все возможные расследования, и на настоящий момент не существует никаких других предположений, настоящее дело должно быть прекращено следователем в связи с отсутствием оснований для его передачи в суд».

Окончание в следующем номере.

Перевод с французского языка.

© Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека»

(продолжение, начало см. в № 2 журнала за 2007 год)

34. 3 и 5 июля 1996 г. заявители подали жалобу на постановление о прекращении дела.

35. В жалобе, поданной 6 июня 1997 г., адвокат заявителей ходатайствовал перед судом о проведении дополнительного расследования обстоятельств, которые непосредственно предшествовали смерти, а именно факта стычки с одним из полицейских, которая произошла в 7 часов утра. В жалобе утверждалось:

— что, учитывая заключения, содержащиеся в отчете о вскрытии, следствие

рассматривало только версию о возможной причине смерти до или после вмешательства сил правопорядка;

— что не было никакого удара, который мог вызвать травму у потерпевшего во время дорожно-транспортного происшествия 6 апреля 1993 г.;

— что ссора перед казино и задержание потерпевшего произошли без обмена ударами;

— что во время обследования в больнице потерпевший получил удары, в частности дубинкой по голове, а не нанес себе травмы сам (см. показания доктора Маканга);

— что из заключений второй медицинской экспертизы следует, что причина смерти имела место не более чем за два часа до 7 утра, когда потерпевший находился в помещении полицейского участка, и что смерть была вызвана исключительно разрывом селезенки;

— что след обнаруженный на теле потерпевшего характерен для удара ногой;

— что заключения посмертной психологической экспертизы носят сомнительный характер, поскольку в них делается попытка доказать, что Паскаль Таис умер несколько ранее реальной даты смерти. Так, эксперт утверждает, что «Поведение Паскаля явно свидетельствовало о его склонности к самоубийству <...>, что он находил извращенное удовлетворение в заигрывании со смертью и балансировании на ее грани». Адвокат назвал отвратительной ту часть экспертного заключения, где речь идет о родителях Паскаля: «<...> Дело в том, что более ясное понимание психических проблем личности Паскаля, характеристику которой мы уже дали, неизбежно привела бы его родителей к мысли о том, что «убийц» их сына следует искать отнюдь не среди тех, кого они считают таковыми. Они не исключают такую возможность, но она является для них лишь проекцией, в которой они ищут защиту от собственных страхов и тревоги. Так, подменяя себя «другим» они избегают тем самым возможного чувства вины перед тем, что они сделали сами и защищают себя таким образом от страха перед этим <...>».

36. 18 июня 1997 г. адвокат заявителей отправил председателю обвинительной палаты Апелляционного суда письмо следующего содержания:

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ТАИСЫ [TAÏS] ПРОТИВ ФРАНЦИИ»*

(жалоба № 39922/03)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Страсбург
1 июля 2006 г.

«После появления в прессе статей по делу о смерти Паскаля Таиса я получил показания г-на Бенабдельухаба, который утверждает, что во время довольно бурного задержания, которое, впрочем, не имело никаких последствий, он слышал, как в отношении Паскаля Таиса говорилось, что «хорошо, что он умер потому что, в любом случае, ему не долго оставалось жить».

Это, конечно же, не признание в совершении убийства, но позволяет сделать самые различные предположения.

Кроме того, мне передали жалобу с предъявлением гражданского иска со стороны г-на Мурио, который утверждает, что с ним очень грубо обращались в полицейском участке г. Аркашо-

на во время задержания 24 марта 1997 г. Это очень хорошо видно из показаний, сделанных в это время. Кроме того, в одном из показаний говорится о поведении некоторых полицейских из г. Аркашона во время молодежной вечеринки.

Слушание по делу Мурио состоялось 24 июня на заседании исправительного суда. По имеющейся у меня информации, там говорилось, в частности, о причастности полицейских Казнев и Граннек <...>.

Вплоть до сегодняшнего дня эти полицейские не только пользуются полной безнаказанностью, но и находятся вне подозрений, что позволяет им совершенно законно совершать любые злоупотребления.

Я не утверждаю, что приведенные выше данные являются определяющими для проведения дополнительного расследования, о котором я ходатайствовал, но они вполне соответствуют тому, что было изложено в жалобе [заявителей относительно их сына]».

37. Постановлением от 23 сентября 1997 г. обвинительная палата Апелляционного суда г. Бордо, рассмотрев различные версии причин смерти, как то: дорожно-транспортное происшествие, драка, события в больнице и насильственные действия со стороны полицейских до препровождения задержанного в полицейский участок, отклонила их в свете выводов повторной медицинской экспертизы от 28 марта 1996 г. и постановила провести дополнительное расследование. В постановлении отмечалось, что следственный судья не взял еще раз показания с лиц, присутствовавших на месте событий в предполагаемое время смерти задержанного, на основании фактов, содержащихся в докладе экспертов. Для совершения данных процессуальных действий был назначен советник Каброль, перед которым была поставлена задача заслушать показания свидетелей и провести все следственные действия, необходимые для установления истины по делу.

38. 5 ноября 1997 г. был составлен протокол осмотра места происшествия на основании постановления об осмотре места происшествия от 14 октября 1997 г.:

* От редакции: по делу заявители утверждают, что их сын, доставленный в состоянии алкогольного опьянения в полицейский участок и содержащийся там в камере-вытрезвителе, скончался из-за того, что к нему полицейские якобы применяли силу, не предоставили медицинскую помощь и не вели за ним в период содержания в этой камере надлежащего наблюдения, что является нарушением требований статей 2 и 3 Конвенции. Европейский Суд постановил пятью голосами против двух, что имело место нарушение требований статьи 2 Конвенции в том, что касается смерти сына заявителей, и единогласно постановил, что государство-ответчик не выполнило свою обязанность провести эффективное расследование инцидента.

« 5 ноября, 16 час.

Мы прибыли в полицейский участок г. Аркашона <...> отмечаем, что здание в настоящий момент не используется по назначению в связи проведением ремонтных работ.

В ходе осмотра нам были показаны следующие помещения:

— на первом этаже находятся, с одной стороны, помещение, занимаемое сотрудниками Граннек и Лассюс, которое расположено справа от основного входа, а с другой стороны, две камеры для задержанных.

— на втором этаже находятся кабинеты инспекторов.

— в подвальном помещении сначала расположена комната, где стоял кофейный агрегат, затем несколько шкафов, где уборщицы хранили свои принадлежности, и, наконец, три камеры-вытрезвителя.

Мы отметили, что камера, где содержался Паскаль Таис, представляет собой тесное помещение, в котором находится бетонный топчан прямоугольной формы, имеющий высоту кровати (примерно 60 сантиметров) Топчан с двух сторон примыкает к стене, и его края имеют закругленную форму. Дверь камеры открывается в сторону, противоположную топчану».

- 39.** 19 ноября советник Каброль заслушал показания двух уборщиц, которые присутствовали в полицейском участке 7 апреля 1993 г. Обе утверждали, что прибыли на работу в 6 часов утра и почувствовали зловоние, а также услышали брань, которая доносилась из одной из камер. В тот же день следственный судья заслушал показания сержанта Лассюс и младшего сержанта Граннек. Они показали, что не заходили в камеру-вытрезвитель вплоть до момента обнаружения безжизненного тела Паскаля Таиса.
- 40.** 23 июня 1998 г. обвинительная палата постановила принять дело к рассмотрению и передать его генеральному прокурору.
- 41.** Постановлением от 24 ноября 1998 г. обвинительная палата, констатировав, что советник Каброль был переведен на работу в другое подразделение Апелляционного суда, назначила вместо него советницу г-жу Леотин для доведения до конца дополнительного расследования.
- 42.** Г-жа Леотин направила 22 марта 1999 г. сержанту Лассюс повестку с вызовом на допрос, который должен был состояться 14 апреля 1999 г. 25 марта 1999 г. комиссар полиции г. Аркашона сообщил ей, что сержант Лассюс находится в командировке на Гаити и пробудет там до июля.
- 43.** 14 апреля 1999 г. состоялась очная ставка с участием двух уборщиц и сержанта Граннек.
- 44.** 1 июня 1999 г. обвинительная палата приняла постановление о прекращении дела и сообщила об этом генеральному прокурору.
- 45.** Письмом от 23 сентября 1999 г. председатель обвинительной палаты сообщил заявителям, что рассмотрение жалобы на постановление о прекращении дела будет рассмотрено в ходе заседания в течение первого квартала 2000 года.
- 46.** В исковом заявлении от 23 мая 2000 г. заявители ходатайствовали перед Апелляционным судом о проведении дополнительного расследования. При этом они ссылались на то, что процессуальные сроки являются нарушением статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека, что протокол осмотра места происшествия указывает, что их сын не мог получить травму в результате удара

о край топчана, что действия двух присутствовавших на месте происшествия полицейских противоречат показаниям уборщиц и что, наконец, из полученного ими анонимного телефонного звонка от человека, назвавшего себя полицейским на пенсии, следует, что смертельные травмы были нанесены задержанному полицейским по фамилии Тевено.

- 47.** Постановлением от 20 июня 2000 г. обвинительная палата назначила дополнительное расследование по факту телефонного звонка, полученного заявителями 7 мая 2000 г. от человека, именующего себя инспектором полиции на пенсии, с обвинениями в адрес г-на Тевено, который в то время проходил службу в полицейском участке г. Аркашона. Обвинительная палата поручила проведение расследования г-же Леотин, которой предписывалось заслушать показания заявительницы и осуществить все необходимые процессуальные действия для установления истины по делу.
- 48.** Письмом от 22 декабря 2000 г. председатель обвинительной палаты ответил на письмо заявителей от 5 декабря и сообщил им, что дополнительное расследование еще продолжается.
- 49.** Своим постановлением от 13 декабря 2001 г. обвинительная палата назначила дополнительное расследование по факту анонимного письма, полученного адвокатом заявителей, и направленного 14 сентября 2001 г. советнику, проводящему следствие, в котором содержались обвинения в адрес г-на Лассюс.
- 50.** 16 декабря 2002 г. обвинительная палата вынесла постановление о прекращении дела и сообщила об этом в прокуратуру.
- 51.** В исковом заявлении от 21 мая 2003 г. заявители ходатайствовали перед Апелляционным судом о привлечении к уголовной ответственности сержантов Лассюс и Граннек, заслушивании показаний доктора Лашез и установлении круга лиц, которые находились в полицейском участке г. Аркашона 7 апреля 2003 г. между 5 часами и 7 час. 30 мин. утра.
- 52.** Постановлением от 19 июня 2003 г. обвинительная палата Апелляционного суда г. Бордо сочла, что не было нарушения статьи 6 Конвенции, отказалась санкционировать проведение дополнительного расследования и подтвердила постановление о прекращении дела со следующей формулировкой:

«<...> По вопросу о задержании <...>

В журнале регистрации задержанных <...> упоминается о 14 проверках, которые осуществлялись каждые четверть часа <...>. Младший сержант Годе заявил, что он осуществлял проверки каждые четверть часа, начиная с 3 часов утра. В 3 час. 30 мин. утра Паскаль Таис попросил принести ему воды, что и было сделано. [Он] заявил, что до начала патрулирования, на которое он убыл в 3 часа утра, он обнаружил, что Паскаля вырвало и он испражнился. В 4 час. 45 мин. утра, вернувшись с патрулирования, он обнаружил, что задержанный по-прежнему кричал и барабанил в дверь камеры. Он указал также, что осуществлял проверки через смотровое отверстие, не открывая двери камеры <...>.

В 5 часов утра присутствовавших полицейских сменил сержант Граннек и младшие сержанты Лассюс, Контегрей и Бонно. [Двое последних собирались отправиться на патрулирование]. В журнале регистрации задержанных упоминается о четырех проверках между 5 час. 5 мин. и 7 часами утра (три проверки были проведены Лассюс и одна — Граннеком).

¹ Во Франции при каждом из 30 Апелляционных судов действует генеральный прокурор с аппаратом помощников, непосредственно подчиняющийся министру юстиции страны (примечание редакции).

<...> [Сержант Граннек уточнил, что не открывал дверь камеры во время проверок, поскольку в этом не было необходимости, судя по поведению Паскаля Таиса]. <...>

Следует с осторожностью подходить к заявлениям Вероник Леси. Так, 6 апреля 1993 г. она заявила, что она и ее муж были подвергнуты избиениям со стороны полицейских, жаловалась на перелом ребра и утверждала, что находилась без сознания во время транспортировки в больницу. Ее заявления опровергаются показаниями свидетелей задержания, в частности, тем фактом, что доктор Маканга, которая обследовала ее до помещения в вытрезвитель, сочла, что не было необходимости в госпитализации. Судебный врач также отметил, что имеющиеся на ее теле следы имеют неизвестное происхождение и что не требуется медицинского вмешательства.

В своих показаниях она также пояснила, что Паскаль Таис кричал, «потому что его избивали». Она не дала никаких уточнений на этот счет, потому что, будучи заслушанной 23 апреля 1993 г. в доме отдыха, она говорила невнятно и два раза не являлась на повестки, направленные следственным судьей. Следует также отметить, что, учитывая расположение помещения, в котором она содержалась, Леси не могла быть очевидцем тех фактов, о которых она заявляет. Из показаний всех свидетелей <...> следует, что Паскаль Таис выкрикивал ругательства, а не издавал стоны или мольбы о помощи <...>

По вопросу о доказательствах.

Различные медицинские эксперты однозначно указывают, что причиной смерти Паскаля Таиса явились ушибы живота и грудной клетки, сопровождаемые повреждением селезенки. В отличие от докторов Керотре и Рейно, профессор Ротюро и доктор Кампана полагают, что смерть наступила не в результате простой травмы селезенки, а в связи с разрывом крупного сосуда внутри селезенки, который вызвал гораздо более сильное кровотечение чем то, о котором упоминают первые эксперты. С их точки зрения, заболевание, которым страдал Паскаль Таис, привело к снижению уровня тромбоцитов и серьезному нарушению механизма свертываемости крови, что способствовало обильному кровотечению и ярко выраженной тромбопении. Профессор Ротюро и доктор Кампана считают, что один и тот же очень сильный удар вызвал переломы 9 и 10 левых ребер, ушиб основания легкого и разрыв селезенки. По их мнению, удар был настолько силен, а травмы настолько тяжелы, что это исключает возможность обезболивающего эффекта даже под влиянием алкоголя.

Поскольку доктора, проводившие повторную экспертизу, пришли к заключению о том, что боль, вызванная переломом ребер и травмой селезенки, была чрезвычайно сильной и травмирующей, трудно предположить, что после этого Паскаль Таис был в состоянии вести себя агрессивно и выкрикивать ругательства. Они отмечают, что травма должна была вызвать обильное кровотечение и кровохарканье и считают, что телесные повреждения были нанесены самое позднее за два часа до смерти, то есть между 7 часами и 7 час. 30 мин. утра 7 апреля 1993 г., а вероятнее всего, в 7 часов утра.

Если из повторной экспертизы следует, что события, предшествовавшие помещению в камеру-вытрезвитель, не могут рассматриваться в качестве причины смерти, учитывая их небольшую тяжесть, а также отсутствие болевых ощущений и потери сознания задержанным, они, тем не менее, объясняют многочисленные кровоподтеки, обнаруженные в ходе вскрытия, и не согласуются с версией об избиении, на которой настаивают гражданские истцы. В самом деле, ничто не позволяет утверждать, что Паскаль Таис, находившийся за рулем машины в 19 часов 6 апреля 1993 г., когда ее занесло и она оказалась в кювете, не получил в результате травмы, которые могли вызвать кровоподтеки,

тем более, что он не был пристегнут ремнем безопасности. То же можно сказать об обстоятельствах его задержания перед Дворцом конгрессов в г. Аркашоне, когда полицейским пришлось неоднократно применять силу в связи с его агрессивным поведением и попытками сопротивления, даже если, как утверждают свидетели, применение силы ограничивалось рамками строгой необходимости. То же можно сказать и о проведении медицинского обследования в больнице, в ходе которого Паскаль Таис два раза упал со смотрового стола, а полицейским опять пришлось применить силу в необходимых пределах для пресечения его агрессивного поведения. Следует отметить, что доктора Керотре и Рейно считают, — и это согласуется с данными повторной экспертизы, — что многочисленные кровоподтеки, обнаруженные в ходе вскрытия, объясняются хронической тромбопенией Паскаля Таиса, проявляющейся в виде пурпуры и гематом, о чем неоднократно упоминается в деле. По мнению экспертов, это означает, что, в отличие от здорового человека, кровоподтеки на его теле могли появиться даже в результате незначительных травм.

Если в ходе вскрытия эксперты отметили наличие двух групп кровоподтеков петехиального типа в районе шеи, то в отличие от заявителей, они не указали, что данные травмы соответствуют попыткам удушения.

Вскрытие показало наличие раны головы в районе затылка с отслоением волосяного покрова, но эксперты отметили отсутствие перелома черепа и внутримозгового кровоизлияния. Так, доктора Керотре и Рейно отметил в заключении по результатам дополнительной экспертизы от 24 апреля 1995 г., что, учитывая ее морфологические особенности и расположение, данная рана могла быть вызвана ударом о стену. В свою очередь, профессор Ротюро и доктор Кампана считают, что речь идет об ушибленной поверхностной ране, которая напоминает раны полученные в результате соприкосновения с твердой поверхностью, и что она, возможно, была получена в результате падения на топчан. В любом случае, нет никаких медицинских данных, подтверждающих, как утверждают истцы, что данная рана была получена вследствие удара ногой.

Профессор Ротюро и доктор Кампана указали, что они ознакомились со всеми материалами дела, отметив, что в нем присутствуют фотографии камеры и тела Паскаля Таиса в том виде, в каком оно было обнаружено.

Оба эксперта отмечают, что резкое падение с ударом об острый угол бетонного топчана представляется им наиболее вероятной причиной травмы с левой стороны основания грудной клетки, которая вызвала переломы 9 и 10 левых ребер, перфорацию легкого и разрыв селезенки. Они отмечают, что вышеуказанное падение могло произойти в результате беспорядочных движений, так как пол камеры и топчан были покрыты испражнениями и стали очень скользкими примерно с 4 часов утра, когда отмечался сильный запах испражнений. Алкоголики часто наносят себя смертельные черепные травмы в результате падения, поскольку падают всей массой тела. Кроме того, у них отсутствует защитный рефлекс, а тело часто поворачивается в момент падения, что придает ему дополнительное ускорение. Они также считают, что в результате сильного алкогольного опьянения (1,3 грамма на литр крови) и стресса, вызванного беспокойной и бессонной ночью, Паскаль Таис выбился из сил и упал левым боком, ударившись при этом о край топчана, и остался лежать на полу в той позе, в которой его позже обнаружили без признаков жизни. Профессор Ротюро и доктор Кампана считают также, что предположение о сильном ударе ногой, который был нанесен, когда задержанный лежал между топчаном и стеной, не подтверждается показаниями свидетелей; к тому же небольшой размер помещения делает такой удар маловероятным.

В отчете об осмотре места происшествия от 5 ноября 1997 г. следственный судья сделал отметку, что углы бетонного топчана являются закругленными. Однако это не совпадает с имеющимися в деле фотографиями, из которых видно, что, как отмечали профессор Ротьюро и доктор Кампана, этот угол является острым в точке пересечения горизонтальной и вертикальной поверхностей.

Таким образом, в результате данных, собранных в результате предварительного следствия и дополнительных расследований, не представляется возможным выдвинуть обвинения в отношении присутствовавших во время данных событий полицейских, показания которых соответствуют заключениям экспертов. Кроме того, необходимо отметить, что полицейские терпеливо сносили оскорбления, которые Паскаль Таис выкрикивал в их адрес в течение нескольких часов. Из материалов дела усматривается, что они знали о том, что он болен СПИДом и, учитывая его крайнюю степень возбуждения и агрессивности, просто боялись подвергнуться заражению, тем более что такие угрозы поступали с его стороны. Именно поэтому они избегали физического контакта с ним и не входили в камеру.

Не существует достоверных доказательств того, что кто-то нанес Паскалю Таису смертельные удары. Кроме того, из материалов следствия вытекает, что состояние Паскаля Таиса во время его пребывания в камере не внушало особого опасения, поскольку врач-практикант выдала справку об отказе в госпитализации, полицейские регулярно проверяли его состояние каждые четверть часа в течение всей ночи, а он всю ночь непрерывно выкрикивал ругательства, а не призывы о помощи, что подтверждается свидетелями. Установлено также, что сразу же после обнаружения его тела без признаков жизни, полицейские оказали всю возможную реанимационную помощь, которая, к сожалению, оказалась ненужной. Не представляется возможным обвинять уборщиц А. Божан и М. Масон, которые появились в участке в 6 часов утра, в том, что, сознавая угрожающую Паскалю Таису смертельную опасность, они не донесли о преступлении в отношении физической неприкосновенности личности, поскольку задержанный не звал на помощь, а выкрикивал ругательства и оскорбления. Никто не может также быть обвинен в неказании помощи лицу, находящемуся в опасности, или в недонесении о преступлении в отношении физической неприкосновенности личности».

- 53.** 5 июля 2003 г. заявители подали ходатайство об оказании бесплатной юридической помощи для обжалования решения от 19 июня 2003 г.
- 54.** Решением от 7 октября 2003 г. Бюро по оказанию бесплатной юридической помощи при Кассационном суде Франции¹ отклонило данное ходатайство на том основании, что оно является неприемлемым с точки зрения положений статьи 575 Уголовно-процессуального кодекса (в статье 575 Уголовно-процессуального кодекса содержится ограничительное перечисление случаев, когда гражданская сторона в процессе может обжаловать решение суда в отсутствие протеста со стороны прокурора).
- 55.** 5 ноября 2003 г. заявители обжаловали указанное выше решение. 17 февраля 2004 г. их жалоба было отклонено постановлением первого председателя Кассационного суда на том основании, что не было обнаружено никакого серьезного основания для кассационного рассмотрения жалобы:

«Учитывая, что Кассационный суд не дает оценки фактов и доказательств, лежащих в основе судебных решений;

Материалы производства по настоящему делу не позволяют сделать вывод о несоответствии обжалуемого решения существующим правовым нормам».

- 56.** Кассационная жалоба заявителей была отклонена.

ВОПРОСЫ ПРАВА

1. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЕЙ 2 И 3 КОНВЕНЦИИ

- 57.** Заявители утверждают, что их сын скончался в результате побоев, нанесенных полицейскими, что во время задержания ему не была оказана медицинская помощь, и не осуществлялось наблюдение врачей и что власти не провели полного и эффективного расследования. Они жалуются в Европейский Суд на нарушение требований статей 2 и 3 Конвенции, в которых говорится:

Статья 2

«1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

- а) для защиты любого лица от противоправного насилия;
- б) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;
- с) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа.

Статья 3

Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

А. Доводы сторон, изложенные Европейскому Суду

1. Доводы заявителей

- 58.** В отсутствие иных достоверных объяснений, не исключая при этом, что их сын мог подвергнуться насилию до заключения под стражу, заявители утверждают, что смертельный удар был нанесен последнему во время его содержания под стражей в полицейском участке.
- 59.** Заявители, прежде всего, отмечают, что в больнице врач-практикант доктор Маканга указала, что полицейские пришли, чтобы получить справку об отказе в госпитализации, необходимую для «содержания его под стражей в полицейском участке», а не для проведения медицинского обследования. Заявители отмечают в этой связи, что врач обнаружила лишь несколько ссадин и все время повторяла, что не надо бить его по голове. По утверждению заявителей, медсестры были вынуждены покинуть смотровую палату не из страха перед их сыном, а опасаясь насилия со стороны полицейских. Они утверждают также, что их сын не получил травм в результате падения со смотрового стола, поскольку в выданной врачом справке об отказе в госпитализации ничего об этом не говорится. Дежурный врач не могла бы не отметить в этой связи ран и кровоподтеков, в частности в области грудной клетки.

¹ Кассационный суд Франции возглавляет систему судов общей юрисдикции и, по сути, выступает в качестве верховного суда страны (примечание редакции).

60. Заявители настаивают на том, что из заключения о вскрытии тела, в котором на многих страницах приводится описание всех частей тела их сына, следует, что все его тело было покрыто следами от ударов, один из которых, в области грудной клетки, явно был нанесен краем каблука. С их точки зрения, именно этот удар вызвал переломы двух ребер, одно из которых пробило легкое, а второе селезенку. Заявители считают, что полицейские либо зашли в камеру, где находился их сын, либо вывели его оттуда, и утверждают в этой связи, что журнал регистрации задержанных является подделкой.
61. Объяснение смерти их сына падением с ударом об острый угол топчана представляется им неправдоподобным, так как, если допустить, что он упал на угол «топчана» из положения стоя, это предполагает падение с высоты 30—40 сантиметров, что никак не могло явиться причиной смерти, тем более, что советник Каброль, назначенный для проведения расследования в 1997 году, отметил в протоколе осмотра места происшествия, что в камере-вытрезвителе находится бетонный топчан прямоугольной формы с «закругленными краями».
62. Заявители указывают также на отсутствие наблюдения за их сыном, который подвергался физической и моральной опасности с момента его помещения в камеру-вытрезвитель.
63. В отношении полноты и эффективности проведенного расследования, заявители особенно подчеркивают условия, в которых следственный судья был вынужден санкционировать проведение новой экспертизы. Именно в результате этой экспертизы было четко определено время нанесения ударов, а именно — и вне всякого сомнения — во время его «содержания под стражей». Заявители указывают на тот факт, что в то время следственный судья не считал нужным продолжить расследование, хотя это обстоятельство полностью меняло дело. И, наконец, они выражают сожаление, что не было проведено никакого расследования в отношении ударов, которые могли быть нанесены их сыну во время его заключения. Они говорят о «культивировании недостоверности» в ходе расследования этого дела с целью выгораживания полицейских. Заявители указывают, например, на то, что, когда советник Каброль принял это дело к своему производству и стал его серьезно расследовать, проведя осмотр места происшествия и приступив к допросу лиц, присутствовавших в полицейском участке, его через несколько месяцев перевели на другой участок работы.

2. Доводы государства-ответчика

64. В свете протоколов судебных решений от 28 июня 1996 г. и 19 июня 2003 г. государство-ответчик стремится доказать, что полицейские не несут ответственность ни прямо, в результате якобы допущенных насильственных действий, ни косвенно, в результате неоказания помощи во время содержания сына заявителей в камере-вытрезвителе. Государство-ответчик также утверждает, что выдача медицинской справки об отказе в госпитализации не может считаться нарушением, повлекшим смерть сына заявителей. И, наконец, государство-ответчик утверждает, что пробелов в следствии не было.

a) По вопросу о выдаче справки об отказе в госпитализации

65. Государство-ответчик подчеркивает, что, хотя справка об отказе в госпитализации и не предусмотрена законом, ее выдача соответствует административной практике, установленной циркулярными распоряжениями Министерства здравоохранения Франции от 16 июля и 9 ок-

тября 1975 г., в которых указывается, что «любое лицо, находящееся явно в нетрезвом виде на дороге или в ином общественном месте, должно быть препровождено в полицейский участок, <...> но только после прохождения обследования в медицинском учреждении. Врач обязан выдать представителям закона справку об отказе в госпитализации».

66. В отношении оценки решения об отказе в госпитализации государство-ответчик напоминает, что, с одной стороны, медицинское обследование в больнице было чрезвычайно затруднено и что, с другой стороны, у сына заявителей не было явных патологических признаков, что позволяло врачу на законных основаниях не обнаружить никаких препятствий для содержания последнего под стражей в помещении полицейского участка. Государство-ответчик полагает, что в данном случае, учитывая описываемые обстоятельства, не шла речь о принудительном медицинском обследовании или госпитализации, и напоминает в этой связи, что во французском законодательстве существует основополагающий принцип добровольного согласия пациента на предлагаемое ему лечение. Кроме того, учитывая состояние здоровья и состояние опьянения сына заявителей, не представлялось возможным сделать ему инъекцию успокоительного препарата.
67. Государство-ответчик добавляет, что помещение сына ответчиков в камеру-вытрезвитель на основании справки об отказе в госпитализации, само по себе уже является мерой охраны его здоровья и ссылается при этом на постановление Европейского Суда от 4 апреля 2000 г. по делу «Витольд Литва против Польши» [*Witold Litwa c. Pologne*] (жалоба № 26629/95), в котором Суд счел, что подобная мера отвечает не только законной цели защиты окружающих, но и того лица, в отношении которого она применяется.

b) По вопросу о предположительном применении силы с момента задержания потерпевшего в ночь с 6 на 7 апреля 1993 г. до обнаружения тела без признаков жизни

68. Говоря о задержании Паскаля Таиса, государство-ответчик напоминает, что оно прошло в сложных условиях, учитывая возбужденное состояние Паскаля Таиса, его агрессивность, а также состояние опьянения. Данная мера представлялась необходимой как из соображений общественной безопасности, так и с целью сохранения здоровья и безопасности самого задерживаемого. Государство-ответчик считает, что, учитывая сопротивление, оказанное лицом и его спутницей, полицейские вели себя чрезвычайно корректно и использовали силу только в необходимых пределах, соразмерных поведению П. Таиса, прижав последнего к земле, чтобы надеть на него наручники.
69. В отношении его перевозки в больницу, которая свидетельствует о внимании, оказанном сыну заявителей, государство-ответчик напоминает, что последний вел себя грубо и безответственно, оскорбляя медицинский персонал, нанося удары ногами, хватая медицинский персонал, а потом и одного из полицейских, которого он пытался задушить его собственным галстуком. Так, в ходе потасовки, Паскаль Таис два раза падал со смотрового стола. Сознавая необходимость проведения общего медицинского осмотра с целью оценки опасности обнаруженных травм для задержанного, а также защищаясь от наносимых им ударов, пока они пытались удержать П. Таиса на смотровом столе, полицейские применили силу в пределах необходимых для пресечения его насильственных действий, а также для защиты медицинского персонала.
70. В отношении перевозки сына заявителей в полицейский участок и его содержания в камере-вытрезвителе, госу-

дарство-ответчик уточняет, что Паскаль Таис был возбужден и вел себя агрессивно во время перевозки и бился головой о перегородку и стенки машины в течение всего времени следования в участок. Начиная с этого момента, он оставался один до момента констатации смерти. Государство-ответчик подчеркивает, что, учитывая возбужденное состояние задержанного, никто из полицейских не заходил в камеру, чтобы избежать очередного физического столкновения и ограничивался наблюдением за задержанным через смотровой глазок в двери и не открывал ее, не считая одного раза в 3 час. 30 мин. утра, когда задержанному принесли воды. Государство-ответчик считает, что в ходе «последнего эпизода», то есть во время перевозки в участок и помещения в камеру, использование силы было направлено только на обеспечение физической безопасности самого П. Таиса.

71. Государство-ответчик утверждает, что тот факт, что смерть задержанного произошла в помещении полицейского участка, не является автоматическим подтверждением актов насилия со стороны полицейских. Государство-ответчик считает, что его смерть произошла по причинам, никак не связанным с насилием со стороны представителей закона (см. ниже, раздел «d» настоящего постановления.). Оно указывает также — в контексте положений статьи 3 Конвенции, — что если какие-то действия и были совершены в отношении Паскаля Таиса, то они были связаны с его задержанием.

c) По вопросу о предположительном отсутствии медицинского и полицейского наблюдения за потерпевшим с момента помещения его в камеру-вытрезвитель

72. Государство-ответчик считает, что в течение всей ночи ничто не позволяло полицейским даже предположить, что задержанному требуется помощь врача. Оно прежде всего отмечает, что П. Таис не звал на помощь, а лишь выкрикивал ругательства, что подтверждают присутствовавшие свидетели, а именно пастор, зашедший в участок, и уборщицы. Государство-ответчик также отмечает, что П. Таис не сообщил медицинскому персоналу никаких подробностей о своей болезни (в частности, о селезенке) и приходит к выводу, что полицейские выполнили свой долг, что касается медицинского наблюдения.

73. Что касается вопроса о полицейском наблюдении, то государство-ответчик подчеркивает: полицейские избежали вступать в физический контакт с П. Таисом из-за уже имеющегося у них печального опыта, но, скорее всего, из страха заразиться СПИДом. Оно напоминает, в каком году происходили данные события, и что в то время об этой болезни и механизмах передачи вируса почти ничего не было известно, что вызывало очень сильное беспокойство. Государство-ответчик упоминает о журнале записей, из которого следует, что наблюдение за задержанным регулярно велось всю ночь каждые четверть часа вплоть до 5 часов утра и затем каждые полчаса вплоть до 7 часов утра.

74. Государство-ответчик напоминает о прецедентной практике Европейского Суда по вопросу о позитивных обязательствах государства в отношении опасности посягательства на жизнь одного лица в результате преступных действий другого лица и о критериях, которые должны использоваться с целью определения, было ли допущено нарушение вышеуказанных обязательств со стороны государства (см. постановление Европейского Суда по делу «Пол и Эндру Эдвардс против Соединенного Королевства») [*Paul et Andrew Edwards c. Royaume-Uni*] (жалоба № 46477/99, § 55, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека CEDH 2002-II):

«Памятуя о сложностях, с которыми сталкивается полиция в современном обществе, о непредсказуемости человеческого поведения, а также о приоритетах в области оперативной работы и распределении ресурсов, данное обязательство следует трактовать таким образом, чтобы не взыскивать на государство невыносимое или чрезмерное бремя. В этой связи, с точки зрения Конвенции, любая предполагаемая угроза жизни не обязывает власти принимать конкретные меры для предупреждения ее осуществления. Для заключения о наличии позитивного обязательства государства следует установить, что власти знали или должны были знать о том, когда жизнь конкретного лица будет подвергаться реальной и непосредственной опасности в результате преступных действий третьего лица, но не приняли в рамках своих полномочий мер, которые, с разумной точки зрения, могли бы рассматриваться в качестве противодействия этой опасности».

75. Государство-ответчик ссылается также на постановление Европейского Суда по делу «Кинан против Соединенного Королевства» [*Keenan c. Royaume-Uni*] от 3 апреля 2002 г. (жалоба № 27229/95, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека CEDH 2001-III) в отношении самоубийства в тюрьме лица, о котором было известно, что оно страдает психическим заболеванием. В данном постановлении Суд определил, в какой мере указанные выше принципы могут применяться, если опасность для жизни исходит от самого лица, находящегося в заключении (членовредительство);

«Суд признал, что предупредительные меры, принимаемые властями, например действия полиции, должны неизбежно ограничиваться гарантиями, которые содержатся в статьях 5 и 8 Конвенции. <...> Точно также, тюремные власти должны исполнять свои обязанности, учитывая при этом права и свободы конкретного лица. Могут приниматься различные меры предосторожности общего характера с целью уменьшения опасности членовредительства, не посягая при этом на автономию личности. В том, что касается принятия более строгих мер в отношении какого-либо заключенного, а также необходимости их применения, то тут все зависит от конкретных обстоятельств».

76. Государство-ответчик утверждает, что обстоятельства настоящего дела напоминают обстоятельства дела «Кинан против Соединенного Королевства». Если исключить версию об умышленном применении насилия, то единственное упущение, которое могло бы быть поставлено в вину властям, заключается в том, что они не приняли достаточных мер, чтобы помешать сыну заявителей самому причинить себя увечья во время нахождения в камере-вытрезвителе (см. также ниже, раздел «d» настоящего постановления). В отношении статьи 3 Конвенции государство-ответчик добавляет, что помещение П. Таиса в камеру-вытрезвитель, учитывая состояние сильного опьянения, не может само по себе рассматриваться в качестве меры, унижающей человеческое достоинство. Нельзя также утверждать, что во время его содержания под стражей было проявлено умышленное желание унижить задержанного, поскольку данная версия не подтверждается материалами дела.

d) По вопросу о наиболее вероятной версии смерти потерпевшего

77. Государство-ответчик допускает, что состояние здоровья П. Таиса не может быть единственным объяснением его смерти, поскольку фатальный исход явился резуль-

татом действия целого ряда внешних обстоятельств. Но смерть не могла наступить в результате сильного удара, как утверждают заявители.

- 78.** Данное утверждение не находит достоверного подтверждения, так как различные свидетели слышали как П. Таис всю ночь выкрикивал ругательства. Если побои были нанесены в 7 часов утра, то есть в то время, когда больше никто его не слышал, то как объяснить, что две уборщицы ничего не видели и не слышали? Кроме того, по указанным выше причинам, полицейские избегали вступать в физический контакт с задержанным. Далее, данная версия не сочетается с имеющимися данными о процедуре содержания под стражей и размерами камеры-вытрезвителя. Дело в том, что лежащее тело занимало почти все пространство камеры шириной 72 сантиметра и оставалось только 24 сантиметра свободного пространства, что явно недостаточно для нанесения сильного удара ногой, требующего необходимого для этого размаха. Таким образом, исключив возможность того, что смертельные повреждения могли быть нанесены во время событий, предшествовавших помещению задержанного в камеру, государство-ответчик приходит к заключению, что наиболее вероятной причиной смерти явилось падение и резкий удар об угол цементного топчана.

е) По вопросу о расследовании инцидента

- 79.** В свете недавнего постановления Европейского Суда от 27 июля 2004 г. по делу «Слимани против Франции» [*Slimani c. France*] (жалоба № 57671/00) государство-ответчик сопоставляет данное дело с элементами, наличие которых Суд счел необходимым для осуществления расследования в подобного рода обстоятельствах. Прежде всего, государство-ответчик подчеркивает тот факт, что представители органов власти действовали во исполнение своих должностных обязанностей. Так, 7 апреля 1993 г. началось расследование причин смерти, причем данная процедура дополнялась гражданским иском, поданным заявителями. Кроме того, были допрошены все лица, так или иначе связанные с этим делом, а именно:

дежурившие в тот день полицейские, уборщицы, которые присутствовали в участке, начиная с 6 часов утра, врач, выдавший справку об отказе в госпитализации, медсестры, которые присутствовали во время медицинского обследования, участники съезда, которые подверглись нападению в ночь с 6 на 7 апреля и, наконец, спутница сына заявителей. Были проведены многочисленные экспертизы. Расследование вполне могло закончиться установлением личностей и наказанием виновных, так как версия о применении насилия полицейскими не исключалась в течение всего времени расследования. Государство-ответчик признает, что проведенные экспертизы не позволили неопровержимо доказать, при каких обстоятельствах произошла травма, но из этого еще не следует, что расследование было проведено неэффективно. Требование эффективности относится к способам действия, а не к полученным результатам. Государство-ответчик отвергает довод заявителей, которые пытаются обвинить ответственных должностных лиц в том, что они с самого начала проводили расследование, делая упор на версию о несчастном случае, а не на насилие, примененное полицейскими. Среди возможных причин смертельной травмы (дорожно-транспортное происшествие, драка, силовое задержание, сложности, возникшие при проведении медицинского обследования) экспертам было предложено определить, какая из этих версий является наиболее достоверной, какие следует отклонить и какие новые версии следует рассмотреть дополнительно. Не вызывает сомнения, что при рассмотрении каждой из указанных выше версий мог быть сделан вывод об ответственности представителей правоохранительных органов.

- 80.** Государство-ответчик считает, что длительность расследования объясняется его объемом и очень активной ролью гражданских истцов, а не медлительностью должностных лиц. Оно признает, что десять лет — достаточно большой срок, но считает, что, в данном случае, он оправдывается стремлением должностных лиц провести наиболее полное расследование, чтобы избежать обвинений в пособничестве. Государство-ответчик считает, что расследование было проведено полно и эффективно.

(окончание в следующем номере)

Перевод с французского языка.

© Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека»

(окончание, начало и продолжение см. в № 2 и 3 журнала за 2007 год)

В. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

- 81.** Учитывая обстоятельства настоящего дела, Европейский Суд будет рассматривать жалобу заявителей, прежде всего, с точки зрения положений статьи 2 Конвенции.
- 82.** Статья 2 Конвенции, которая охраняет право человека на жизнь, является одной из основополагающих статей Конвенции. В сочетании со статьей 3 Конвенции, она закрепляет одно из основных достижений демократических стран, которые входят в Совет Европы. Цели и задачи Конвенции в качестве инструмента, созданного для защиты людей, требуют, чтобы положения статьи 2 Конвенции трактовались и применялись конкретным и эффективным образом (см. постановление Большой Палаты Суда по делу «Салман против Турции» [*Salman c. Turquie*], жалоба № 21986/93, § 97, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека CEDH-VII).
- 83.** Как правило, тот факт, что смерть лица наступила при подозрительных обстоятельствах, в условиях лишения свободы, уже позволяет усомниться в том, насколько государство соблюдает свое обязательство защищать право на жизнь данного лица (см. постановление Европейского Суда от 6 октября 2005 г. по делу «Н.У и НÜ.У против Турции» [*H.Y et HÜ.Y c. Turquie*], жалоба № 40262/98, § 104).
- 84.** Лица, подвергнутые задержанию, находятся в уязвимом положении, и власти обязаны обосновать обращение, которое было избрано в отношении задержанных. Из этого следует, что если в момент взятия под стражу лица его здоровье находилось в нормальном состоянии, а затем это лицо скончалось, то государство обязано представить убедительное объяснение фактам, которые привели к смерти лица (см. цитируемое выше постановление Большой Палаты Суда по делу «Салман против Турции», § 100).
- 85.** Для оценки доказательств Европейский Суд избрал в качестве критерия доказанности стандарт доказанности «вне всякого разумного сомнения». При этом подобное доказывание может строиться на целом ряде серьезных, конкретных и совпадающих прямых и косвенных улик. Если события по настоящему делу полностью или в большой степени известны со слов должностных лиц, как в случае находящегося под их контролем задержанных, любая травма или смерть, произошедшие в период задержания, позволяет строить самые различные предположения. Следует считать, что бремя доказывания лежит на должностных лицах, которые обязаны дать удовлетворительные и убедительные объяснения (см. постанов-

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ТАИСЫ [TAÏS] ПРОТИВ ФРАНЦИИ»*

(жалоба № 39922/03)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Страсбург
1 июля 2006 г.

ление Европейского Суда от 13 июня 2002 г. по делу «Ангелова против Болгарии» [*Anguelova c. Bulgarie*], жалоба № 38361/97, § 111).

86. В данном случае Европейскому Суду предстоит рассмотреть статью 2 Конвенции с точки зрения ее материально-правовой составляющей, а затем с точки зрения ее процессуальной составляющей.

*1. По вопросу об
обязательствах
государства, вытекающих
из материально-правовой
составляющей статьи 2
Конвенции*

87. Два вопроса возникают при рассмотрении обязательств,

вытекающих из материально-правового аспекта. Первый касается «негативных» обязательств государства и предположительного использования силы представителями государства. Второй, — поскольку уже в первой фразе первого пункта статьи 2 Конвенции говорится о позитивном обязательстве государства принимать все меры, необходимые для защиты жизни людей, находящихся под его юрисдикцией, — относится к отсутствию медицинской помощи и наблюдения со стороны должностных лиц с момента медицинского обследования П. Таиса в 23 час. 30 мин. вплоть до его смерти в 7 час. 30 мин. утра.

а) По вопросу о побоях, предположительно нанесенных потерпевшему полицейскими

88. Как отмечает Европейский Суд, государство-ответчик считает, что смерть сына заявителей произошла в результате падения и резкого удара в камере-вытрезвителе и наступила не менее чем за два часа до обнаружения тела. С одной стороны, государство-ответчик утверждает, что полицейские применяли силу в пределах, которые были необходимы с учетом возбужденного состояния П. Таиса вплоть до его доставки в полицейский участок. Однако, с другой стороны, оно исключает возможность применения насилия, поскольку все полицейские избегали физического контакта с задержанным, и утверждает, что версия о сильном ударе ногой не имеет под собой никакого основания, учитывая небольшие размеры камеры и показания различных свидетелей.

89. Для оценки объяснений государства-ответчика Европейский Суд намерен рассмотреть всю цепочку сложных обстоятельств, начиная с дорожно-транспортного происшествия и медицинского обследования и заканчивая помещением сына заявителей в камеру-вытрезвитель. В течение вечера и ночи с 6 на 7 апреля 1993 г. последний, несомненно, находился в вызывающем беспокойство психическом и моральном состоянии, поэтому, когда его доставили в полицейский участок, состояние его здоровья находилось не «в норме», а было наоборот хрупким и уязвимым в связи с его болезнью, возбуждением и состо-

От редакции: по делу заявители утверждают, что их сын, доставленный в состоянии алкогольного опьянения в полицейский участок и содержащийся там в камере-вытрезвителе, скончался из-за того, что к нему полицейские якобы применяли силу, не предоставили медицинскую помощь и не вели за ним в период содержания в этой камере надлежащего наблюдения, что является нарушением требований статей 2 и 3 Конвенции. Европейский Суд постановил пятью голосами против двух, что имело место нарушение требований статьи 2 Конвенции в том, что касается смерти сына заявителей, и единогласно постановил, что государство-ответчик не выполнило свою обязанность провести эффективное расследование инцидента.

- нием опьянения. Тут может идти речь об усугубляющем воздействии, при котором власти были тем более обязаны обосновать правомерность обращения с П. Таисом во время его содержания под стражей.
- 90.** Европейский Суд напоминает, что, исходя из данных трех первых экспертиз, смерть наступила в результате кровотечения, вызванного разрывом селезенки. При этом мы ничего не знаем о травме, которая вызвала данное повреждение. К такому выводу приходит следственный судья в постановлении о прекращении дела: «происхождение травмы остается неустановленным, несмотря на многочисленные проведенные проверки», «судебное следствие не позволило установить, что на самом деле произошло утром 7 апреля 1993 г». Тот же следственный судья делает в конце вывод о пробелах в следствии, который был также подтвержден обвинительной палатой: «самой вероятной, хотя и недостаточно подтвержденной фактами версией, является смертельная травма, полученная в результате падения, причем не представляется возможным определить, было ли вышеуказанное падение непроизвольным или умышленным». Суд должен определить, является ли это общее и весьма неопределенное заключение достаточно убедительным объяснением смерти П. Таиса.
- 91.** В отношении хронологии событий Европейский Суд отмечает, что, во-первых, около 23 часов в больнице, где медицинский осмотр прошел в сложных условиях, что не оспаривается сторонами по делу, использование силы было вызвано необходимостью сдерживания агрессивного поведения П. Таиса. Не вызывает сомнения, что нанесенные ему удары лишь усилили уже сильно ослабленное состояние его организма, хотя и неизвестно до какой степени. Тем не менее в выданной в этой связи медицинской справке указаны самые общие клинические замечания и не упоминается ни о многочисленных и в основном свежих кровоподтеках, ни ране в области волосяного покрова головы, ни о двух сломанных ребрах, которые были обнаружены в ходе вскрытия тела. И, наконец, из той же медицинской справки следует, что П. Таис был в состоянии, при котором он был способен осознавать свои действия, и передвигался нормально, не испытывая более сильных болевых ощущений чем те, которые могли быть вызваны предшествующими обстоятельствами. В свою очередь, из показаний медсестер следует, что у него имелись ссадины и небольшая царапина на лбу (см. выше, пункт 17 настоящего постановления). В этой связи Суд считает, что показания дежурного врача от 10 февраля 2004 г. указывают на противоречия между тем, что было выявлено во время медицинского осмотра в больнице и данными, отмеченными в отчете о вскрытии (см. выше, пункт 20 настоящего постановления).
- 92.** Затем Европейский Суд переходит к рассмотрению вопроса о перевозке задержанного в полицейский участок в период между 23 час. 30 мин и 0 час. 15 мин. Суд отмечает, что ничего не известно о промежутке времени между выходом из больницы и прибытием в полицейский участок; и действительно, в повторной экспертизе указано: «неизвестно, что произошло во время перевозки в полицейский участок» (см. выше, пункт 29 настоящего постановления). Из постановления о прекращении дела вытекает, что «П. Таис возможно бился головой о плексигласовую перегородку в задней части машины в течение всего времени этого переезда».
- 93.** И, наконец, Европейский Суд рассматривает промежуток времени между помещением П. Таиса в камеру-вытрезвитель в 0 час. 15 мин. вплоть до обнаружения его мертвого тела. Суд отмечает, что тело П. Таиса было обнаружено в положении на спине, а не на животе, как было отмечено сначала, что свидетельствует в пользу версии о падении. Кроме того, Суд считает, что запись «без перемен», которая всю ночь проставлялась в журнале регистрации задержанных, плохо сочетается с описанием криков, которые на протяжении всей ночи издавал сын заявителей. Так, в заключении экспертов от 15 октября 1993 г. особо отмечается, что «П. Таис кричал всю ночь» (см. выше, пункт 18 настоящего постановления). Обвинительная палата г. Бордо также отмечает крики и ругательства, которые П. Таис исторгал на протяжении нескольких часов (см. выше, пункт 52 настоящего постановления). Так, в своем постановлении от 19 июня 2003 г. данное судебное учреждение уточняет, что в 3 часа утра сына заявителей вырвало и он испражнился и что он все еще продолжал кричать в 4 час. 45 мин. утра. Как утверждают полицейские, проверки осуществлялись через смотровое окошко камеры каждые четверть часа, не открывая дверь, в связи с «внешними признаками активности» задержанного. Суд отмечает, что перечисленные факты полностью противоречат записи «без перемен». То же можно сказать о разговоре, который состоялся между одним из полицейских и П. Таисом в 7 часов утра, который, как следует из постановления о прекращении дела, был отмечен в журнале регистрации задержанных, что не подтверждается ознакомлением с этим документом. В связи с этим Суд читает, что журнал регистрации задержанных не может служить подтверждением объяснений государства-ответчика, поскольку его содержание сильно отличается от утверждений о так называемом «неадекватном поведении» сына заявителей. И, наконец, в качестве подтверждения сказанному выше, Суд отмечает, что если смерть П. Таиса была вызвана падением, которое должно было быть по определению резким, чтобы привести к перелому ребер и разрыву селезенки, не было дано никаких объяснений тому факту, что полицейские ничего не услышали и ничего не заметили, хотя сам характер криков должен был измениться в результате испытываемых П. Таисом болевых ощущений.
- 94.** Европейский Суд должен также рассмотреть объяснения государства-ответчика в свете данных повторной экспертизы, проведенной доктором Лашез по ходатайству заявителей, который отмечает, что кровоподтеки, обнаруженные во время вскрытия, явились результатом сильных ударов. Как утверждает государство-ответчик, данная версия не соответствует действительности, что следует, с одной стороны, из материалов дела в части процедуры задержания, и, с другой стороны, из конфигурации камеры. В отношении первого утверждения Суд ссылается на свой комментарий в отношении журнала регистрации задержанных. Что касается второго утверждения, то Суд констатирует, что следственным судьей было отказано в проведении следственного эксперимента с воспроизведением событий на том основании, что ничего не известно об условиях, в которых они произошли (см. выше, пункт 31 настоящего постановления).
- 95.** Учитывая сказанное выше, Европейский Суд приходит к мнению, что государство-ответчик не смогло дать достаточно убедительных объяснений ни в отношении несоответствий и даже противоречий между медицинским отчетом, содержащимся в справке об отказе в госпитализации и отчетом о вскрытии, ни в отношении происхождения повреждений, обнаруженных на теле сына заявителей, хотя совершенно очевидно, что вызвавшие их насильственные действия могли произойти только во время содержания под стражей. Поэтому Суд считает, что государство-ответчик не представило убедительных объяснений в отношении смерти П. Таиса во время его содержания под стражей в помещении полицейского участка г. Аркашона.

б) По вопросу о предположительном отсутствии ухода и наблюдения за потерпевшим

96. Европейский Суд вновь подчеркивает, что первая фраза первого пункта статьи 2 Конвенции подразумевает позитивное обязательство государств заранее принимать все необходимые меры для защиты лиц, находящихся под их юрисдикцией, от посягательств со стороны других лиц либо, как в данном случае, от посягательств самого лица [см. упомянутое выше постановление Европейского Суда от 7 июня 2005 г. по делу «Кинан против Соединенного Королевства», а также постановление по делу «Кылынч и другие заявители против Турции» [*Kılınc et autres c. Turquie*], жалоба № 40145/98].
97. Европейский Суд уточняет, что, учитывая сложность, с которыми сталкивается в своей работе полиция в современном обществе, непредсказуемость человеческого поведения и необходимость выбора приоритетов и распределения ресурсов, следует трактовать указанное выше позитивное обязательство таким образом, чтобы не возлагать на государственные органы непосильное или слишком тяжелое бремя. С точки зрения Конвенции, государство не обязано ввиду любой предполагаемой угрозы жизни предпринимать конкретные меры с целью ее предупреждения. В особых обстоятельствах, когда присутствует опасность членовредительства, Суд определил, что позитивное обязательство может возникнуть в том случае, если власти знали или должны были знать, в какой момент жизнь конкретного лица подвергалась реальной и непосредственной угрозе, и не предприняли в рамках своих полномочий необходимых мер, которые, с разумной точки зрения, могли бы способствовать ее предотвращению [см. указанное выше постановление Европейского Суда по делу «Кинан против Соединенного Королевства», а также решение Суда по делу «Янгер против Соединенного Королевства» [*Younger c. Royaume-Uni*], жалоба № 57220/00, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека CEDH 2003-I].
98. Обязанность государства защищать жизнь лиц, находящихся в заключении, включает незамедлительное оказание им медицинской помощи с целью предотвращения смертельного исхода (см. указанное выше постановление Европейского Суда по делу «Ангелова против Болгарии», § 130).
99. В настоящем деле мог возникнуть вопрос о принципиальной необходимости помещения сына заявителей в камеру-вытрезвитель. Однако Суд считает, что, учитывая справку об отказе в госпитализации, в которой содержатся самые обычные клинические замечания, трудно усмотреть ответственность государства-ответчика по вопросу о принятии решения об отказе в госпитализации сына заявителей.
100. Содержание лица в камере-вытрезвителе должно бесспорно рассматриваться как лишение свободы (см. постановление Европейского Суда от 4 апреля 2000 г. по делу «Витольд Литва против Польши» (жалоба № 26629/95), § 46). В своем постановлении по этому делу Суд счел, что «с точки зрения положений подпункта «е» пункта 1 статьи 5 Конвенции, лица, поведение которых под влиянием алкоголя представляет опасность для общественного порядка и для них самих, даже если им не был поставлен соответствующий диагноз, могут быть заключены под стражу с целью защиты окружающих либо в их собственных интересах, например с целью защиты их здоровья или личной безопасности» (там же, § 61). Обвинительная палата сочла, что состояние П. Таиса в момент его заключения под стражу не вызывало никакого «особого беспокойства». Государство-ответчик считает, что мера в виде помеще-

ния в подобную камеру была направлена на охрану здоровья П. Таиса. Суд не разделяет данную версию, так как помимо необходимости, которая могла быть вызвана данной ситуацией, он констатирует, что, как с физической, так и с моральной точки зрения, состояние задержанного выходило за рамки обычного опьянения, что все свидетельствовало о его очень слабом здоровье и что, кроме того, его содержание под стражей не сопровождалось никакими мерами по наблюдению за ним, в особенности медицинскому, с целью защиты его жизни.

101. Европейский Суд усматривает серьезные нарушения и проявления небрежности в том, каким образом власти исполнили свою обязанность защищать жизнь сына заявителей. Суд напоминает в этой связи, что, учитывая отсутствие убедительных объяснений смерти П. Таиса со стороны государства-ответчика, он уже счел, что на этот счет имеются косвенные доказательства. В этой связи Суд не разделяет мнения государства-ответчика о том, что это дело очень похоже на дело о самоубийстве в тюрьме. Поэтому Суд не будет рассматривать меры, принятые национальными органами власти с целью предотвращения членовредительства со стороны сына заявителей, а ограничится рассмотрением мер, принятых для наблюдения за ним, учитывая его физическое и моральное состояние, которое не могло ускользнуть от внимания полицейских в свете предшествующих событий.

102. В этой связи Европейский Суд отмечает, что, как усматривается из материалов дела, ни один полицейский не заходил в камеру-вытрезвитель с 1 часа до 7 час. 30 мин. утра, хотя сын заявителей продолжал кричать всю ночь вплоть до нескольких мгновений перед смертью. Его крики приписывались состоянию возбуждения и опьянения и не воспринимались как крики боли или призывы о помощи. Суд считает, что просто парадоксально говорить об эффективных проверках с записью в журнале «без перемены», если полицейские даже не заходили в камеру, где содержался П. Таис.

Европейский Суд отмечает, кроме того, точность показаний, данных 19 ноября 1997 г. уборщицами. Последние утверждают, что прибыли в участок в 6 часов утра и были поражены отвратительным запахом, который царил в помещении, и ругательствами, которые доносились из камеры. Из материалов дела следует, что этот запах отмечался в помещении с 4 часов утра, но, несмотря на это, никто не счел необходимым оказать П. Таису какую-либо помощь. Причина, на которую ссылается обвинительная палата, а именно страх заразиться болезнью П. Таиса, представляется, по крайней мере, неуместной в данных обстоятельствах. И, наконец, в отношении мер, которые могли быть приняты для спасения жизни сына заявителей, не считая мер по его помещению в камеру-вытрезвитель, в отчете о повторной экспертизе указано, что имеющиеся повреждения необязательно должны были привести к смерти, если бы они были обнаружены вовремя и в других обстоятельствах. Суд считает, что, учитывая состояние П. Таиса в момент его доставки в участок и в течение многих следующих часов, у полицейских была возможность хотя бы вызвать врача, чтобы проконтролировать состояние здоровья задержанного.

С) Заключение

103. У учетом вышеизложенного Европейский Суд констатирует, что государство-ответчик не дало убедительных объяснений в отношении телесных повреждений, которые вызвали смерть П. Таиса. Поэтому он полагает, что государство-ответчик несет ответственность за смерть задержанного. Кроме того, Суд считает, что са-

моустранение полицейских перед лицом бедственного физического и морального состояния задержанного и отсутствие эффективного полицейского и медицинского наблюдения являются нарушением обязанности государства защищать жизнь задержанных.

104. Исходя из этого, Суд приходит к заключению о нарушении статьи 2 Конвенции с точки зрения ее материально-правовой составляющей.

2. По вопросу об обязательствах государства, вытекающих из процессуальной составляющей статьи 2 Конвенции

105. Европейский Суд напоминает, что обязательство защищать право на жизнь, которое вытекает из статьи 2 Конвенции, включает в себя обязанность государства на основании статьи 1 Конвенции «признавать за любым лицом, на которого распространяется его юрисдикция, права и свободы, определенные в <...> Конвенции, что включает требование проводить эффективное расследование, если применение силы привело к смерти лица. Расследование должно, в частности, быть полным, беспристрастным и всесторонним (см. постановление Европейского Суда от 19 февраля 1998 г. по делу «Кайя против Турции» [*Kaya c. Turquie*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1998-I, § 5; постановление от 27 июля 2004 г. по делу «Слимани против Франции» (жалоба № 57671/00), § 29—32).

106. В том, что касается настоящего дела, то Европейский Суд, прежде всего, отмечает, что все процессуальные действия продолжались десять лет, что, поскольку следствие было долгим и так и не смогло определить истинную причину смерти П. Таиса, то его результаты становились все более сомнительными с течением времени. В этой связи Суд напоминает, что быстрое расследование властями дел по фактам смерти лиц, содержащихся под стражей, может, как правило, рассматриваться в качестве основного условия сохранения доверия общественности к принципу законности и позволяет избегать любой видимости соучастия или терпимости в отношении незаконных действий (см., *mutatis mutandis*¹, постановление Европейского Суда по делу «Пол и Одри против Соединенного Королевства» [*Paul et Audrey c. Royaume-Uni*], жалоба № 46477/99, § 72, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека CEDH 2002-II). Что касается вопроса о быстроте расследования, то Суд отмечает: повторная экспертиза была проведена 28 марта 1996 г., то есть спустя три года после указанных событий, и что следственный судья, вместо того, чтобы с самого начала допросить полицейских, сделал это только в 1997 году, то есть спустя четыре года после событий. Учитывая обстоятельства настоящего дела, Суд считает, что власти проявили нерасторопность и медлительность.

107. Европейский Суд отмечает также, что жена сына заявителей, которая находилась в участке в ту ночь, когда произошли драматические события, не была подробно допрошена. Несмотря на то, что возникли сложности с получением ее показаний, поскольку, как уточняет обвинительная палата (см. выше, пункт 52 настоящего постановления), она два раза не являлась к следственному судье по повесткам, Суд считает, что вышеуказанные сложности не освобождали должностных лиц от обязанности предпринимать все необходимые действия для снятия ее показаний, поскольку они могли сыграть ключевую роль. Ведь именно она, исключая полицейских,

была единственным свидетелем, который слышал то, что происходило в ту ночь в полицейском участке. Тем не менее, из материалов не следует, что были предприняты какие-либо действия для заслушивания этого лица и проведения очной ставки с полицейскими.

108. Европейский Суд добавляет, что можно только сожалеть о том, что следственным судьей было отказано в воспроизведении обстоятельств происшествия. Суд отмечает, что следственная палата настаивала на невозможности нанесения удара ногой, учитывая небольшие размеры камеры, в то время как заявители утверждали, что версия о падении не имеет под собой оснований. В этой связи, реконструкция событий могла бы с большей достоверностью определить происхождение травмы селзенки, которая вызвала смерть П. Таиса, поскольку стало ясно, что насильственные действия произошли в период его содержания под стражей.

109. Заявители утверждают также, что расследование было проведено необъективно. В этом отношении Европейский Суд должен поставить под сомнение одно из следственных действий, а именно проведение посмертной психологической экспертизы (см. выше, пункт 23 настоящего постановления), что используется крайне редко. Не вызывает сомнения, что она была косвенно направлена против заявителей и содержит отрицательную характеристику П. Таиса, поэтому можно усомниться в ее необходимости для установления истины. Содержание заключения психолога дало судебным властям возможность свести до минимума или снять с полицейских ответственность за смерть сына заявителей. В заключении делается упор на суицидальную версию, которая, возможно, стала основной для следствия и приобрела несоразмерное значение по сравнению с другими действиями предпринятыми для поисков причины смерти и определения лиц, возможно, несущих за нее ответственность.

110. Исходя из этого, Европейский Суд приходит к заключению, что власти не провели эффективно и, тем более, в короткие сроки, расследование обстоятельств, связанных со смертью П. Таиса. Следовательно, по делу было допущено нарушение процессуальной составляющей статьи 2 Конвенции.

3. По вопросу о предполагаемом нарушении требований статьи 3 Конвенции

111. Рассмотрев доводы заявителей в контексте положений статьи 2 Конвенции, Европейский Суд считает, что нет оснований рассматривать жалобу отдельно с точки зрения статьи 3 Конвенции.

II. В ПОРЯДКЕ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

112. Как гласит статья 41 Конвенции,

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Определение суммы компенсации за причиненный заявителем моральный вред

113. Заявители требуют выплаты каждому из них суммы в размере 250 тысяч евро в качестве компенсации мо-

¹ Mutatis mutandis (лат.) — с соответствующими изменениями (примечание редакции).

рального вреда в результате чувства горя и страданий, причиненных нарушением прав их единственного сына, предусмотренных Конвенцией.

- 114.** Государство-ответчик считает, что данное требование является завышенным.
- 115.** Европейский Суд напоминает, что он уже пришел к заключению об имевшем месте тройном нарушении требований статьи 2 Конвенции. Он считает, что кроме чувства боли и страданий, которые должен был испытать сам П. Таис, заявители, то есть его родители, должно быть, испытали еще чувства ужаса и скорби, узнав об обстоятельствах смерти своего сына и понимая невозможность добиться либо проведения эффективного расследования, либо выплаты компенсации. Разрешая спор, исходя из требований справедливости, Суд, учитывая тяжесть выявленных нарушений, присуждает выплату обоим заявителям суммы в размере 50 тысяч евро в качестве компенсации за причиненный им моральный вред.

В. Судебные расходы и издержки

- 116.** Заявители требуют выплаты суммы в размере 40 801,98 евро в качестве возмещения их судебных расходов и издержек. 20 октября 2003 г. они подписали соглашение о выплате денежного вознаграждения, в котором указаны две суммы. Первая соответствует расходам и гонорарам за выполненную работу и разъездным расходам, а вторая отражает премиальное вознаграждение (12 % включая НДС). Общая сумма гонораров и разъездных расходов распределяется следующим образом: 29 000 евро составляют расходы, понесенные в связи с производством в различных внутрисудебных судебных учреждениях, включая процедуру отклонения ходатайства Бюро по оказанию юридической помощи Кассационного суда, и 11 801,98 евро — расходы, понесенные в Европейском Суде, в том числе в связи с судебным заседанием.
- 117.** Государство-ответчик считает, что запрашиваемая сумма является чрезмерной, учитывая как сложность дела, так и практику Европейского Суда по данному вопросу.
- 118.** Европейский Суд напоминает, что при установлении факта нарушения Конвенции, он может присудить заявителю или заявительнице компенсацию судебных расходов и издержек, которые он или она понесли в связи с производством в различных внутрисудебных судебных учреждениях с целью предупреждения или исправления последними допущенного ими нарушения (см., в частности, постановление Европейского Суда от 13 июля 1983 г. по делу «Циммерман и Штайнер» против Швейцарии [*Zimmermann et Steiner c. Suisse*], серия «А» № 66, § 36, и постановление от 25 августа 1998 г. по делу «Гертель против Швейцарии» [*Hertel c. Suisse*], жалоба № 25181/94, § 63). В этой связи Суд констатирует, что адвокат заявителя уже обращался в различные органы государственной власти, чтобы добиться решения об ответственности полицейских в смерти их сына. Суд считает, что в этой части заявители имеют право ходатайствовать о компенсации части понесенных в этой связи расходов, помимо тех, которые были понесены в производстве по делу в самом Суде.
- Учитывая вышесказанное, Суд считает, что требуемая сумма является чрезмерной, и полагает, что разумно присудить заявителям общую сумму в размере 20 000 евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

- 90.** Суд считает, что проценты за просрочку платежей должны исчисляться по годовой ставке, равной предельной

ставке по займам, установленной Европейским Центральным Банком, плюс три процента.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД

1. постановил пятью голосами против двух, что имело место нарушение положений статьи 2 Конвенции в том, что касается смерти сына заявителей;
2. постановил единогласно, что имело место нарушение процессуальной составляющей статьи 2 Конвенции в том, что касается обязательства государства-ответчика в отношении проведения эффективного расследования;
3. постановил единогласно, что нет необходимости рассматривать жалобу в той ее части, которая касается нарушения требований статьи 3 Конвенции;
4. постановил пятью голосами против двух

а) что государство-ответчик должно в течение трех месяцев со дня вступления постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить обоим заявителям 50 000 евро (пятьдесят тысяч евро) в качестве компенсации морального вреда и 20 000 евро (двадцать тысяч евро) включая НДС в качестве компенсации судебных расходов и издержек;

б) что по истечении указанного трехмесячного срока и до окончательной выплаты на указанные суммы начисляется простой процент в размере предельной годовой кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента;

5. отклонил единогласно остальную часть требований заявителей в отношении выплаты справедливой компенсации.

Совершено на французском языке и уведомление о постановлении направлено в письменном виде 1 июня 2006 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Европейского Суда.

Сорен Нильсен, Секретарь Секции Суда
Христос Розакис, Председатель Палаты

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского Суда, к настоящему постановлению прилагается совпадающее мнение судьи Ковлера и общее частично совпадающее и частично несовпадающее мнение судей Коста и Лоренцена.

ЧАСТИЧНО СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ КОВЛЕРА

Хочу уточнить, что моя позиция касается констатации факта нарушения статьи 2 Конвенции в ее материально-правовой составляющей, за которую я проголосовал с большинством судей по настоящему делу, хотя и не без колебаний.

Прежде всего, я сожалел, что в этом трагическом и чрезвычайно деликатном деле Европейский Суд не счел возможным разделить в резолютивной части постановления два основных положения, касающиеся статьи 2, а именно утверждение о применении силы полицией (в частности нанесенных полицейскими побоях, которые, как утверждают заявители, явились основной причиной смерти их сына) и утверждение об отсутствии ухода и

наблюдения. Впрочем, заявители сами различают эти положения (см. пункт 57 настоящего постановления) и при рассмотрении этих обвинений Суд придерживается такой же позиции. См. разделы постановления «По вопросу об обязательствах государства, вытекающих из материально-правовой составляющей статьи 2 Конвенции»: а) «По вопросу о побоях, предположительно нанесенных потерпевшему полицейскими» (пункты 88—95); б) «По вопросу о предположительном отсутствии ухода и наблюдения за потерпевшим» (пункты 96—102 настоящего постановления). Тем самым Суд реально проводит такое же различие, но приходит к одному «общему» заключению в резолютивной части постановления. Я не убежден, что объяснения государства-ответчика в отношении происхождения повреждений, обнаруженных на теле П. Таиса, не являются, как было заявлено Судом, «убедительными» (пункт 103 настоящего постановления). Поэтому я в основном согласен с аргументами, выдвинутыми в особом мнении коллегами Костой и Лоренцем. Мне хотелось бы проголосовать по этому пункту отдельно.

Тем не менее я по-прежнему считаю, что оставление П. Таиса на всю ночь без эффективного медицинского и полицейского наблюдения, несмотря на его тяжелое состояние, явилось нарушением позитивных обязательств государства-ответчика в отношении защиты жизни задержанных лиц, поэтому я проголосовал за пункт о нарушении материально-правовой составляющей статьи 2 Конвенции, хотя и считаю, что первый пункт обвинения (использование силы) «перевешивает» второй (отсутствие наблюдения). При этом смерть сына заявителей в камере полицейского участка остается печальной действительностью.

ЧАСТИЧНО СОВПАДАЮЩЕЕ И ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ ОБЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ КОСТА И ЛОРЕНЦЕНА

1. Большинство судей по настоящему делу сочло, что в этом трагическом деле имело место нарушение материально-правовой составляющей статьи 2 Конвенции в отношении смерти сына заявителей и нарушение процессуальной составляющей этой же статьи в том, что касается обязательства государства-ответчика провести эффективное расследование. Нам хотелось бы объяснить, почему мы не проголосовали вместе с большинством судей по настоящему делу по первому пункту и в какой степени мы согласны со вторым пунктом. Наша позиция частично совпадает с позицией нашего коллеги судьи Ковлера, которую он выразил в своем совпадающем мнении.

2. Наше несогласие, прежде всего, касается методологии. Так, в пункте 57 постановления указывается, что заявители выдвигали три обвинения на основании статьи 2 Конвенции, а именно: нанесение побоев полицейскими, отсутствие наблюдения и медицинского ухода во время задержания потерпевшего и нарушение должностными лицами обязанности в отношении проведения всестороннего и эффективного расследования. При этом, как нам представляется, вопреки логике в постановлении рассматриваются только два аспекта нарушения статьи 2, а именно «материально-правовой» и «процессуальный», при этом два первых пункта обвинения рассматриваются совместно. Подобный подход противоречит не только логике, но и существующей практике (и поэтому является странным), см. в похожих обстоятельствах постановление, вынесенное по делу «Ангелова против Болгарии». Кроме того, он создает сложности при голосовании, когда предлагается один раз проголосовать за два различных пункта, один из которых Суд собирается принять, а второй отклонить.

3. Если в резолютивной части содержались бы не два, а три пункта в отношении статьи 2 Конвенции, что, как указал наш коллега Ковлер, соответствовало бы структуре мотивировочной части (см. пункты 88—102 настоящего постановления), мы согласились бы с мнением большинства судей по вопросу о наблюдении и медицинском уходе. Речь идет о позитивном обязательстве государства, которое обязано охранять здоровье лиц в местах лишения свободы, учитывая их незащищенность (см. например постановление Европейского Суда по делу «Кинан против Соединенного Королевства», Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 2001-III, § 91), а также, с точки зрения статьи 3 Конвенции, постановление Европейского Суда по делу «Мак Глинчи против Соединенного Королевства» [*Mc Glinchey v. Royaume-Uni*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 2003-V). Но в данном случае очевидно, что после осмотра сына заявителей врачом в больнице, который состоялся в районе полуночи, а затем его помещения в камеру-вытрезвитель в подвальном помещении полицейского участка, полицейские, которые знали о плохом состоянии его здоровья и в течение всей ночи слышали его крики и вопли, не только ни разу не зашли к нему в камеру, но даже не вызвали врача. Они ограничились периодическим наблюдением за ним через смотровое окошко камеры, не открывая при этом дверь. Как указано в деле, дверь ни разу не открывалась между 1 часом и 7 час. 30 мин. утра, то есть до момента обнаружения его безжизненного тела (см. пункт 102 настоящего постановления). Подобное отношение полицейских может рассматриваться как серьезное нарушение обязанности в отношении наблюдения и ухода, особенно в отношении задержанного с хрупким здоровьем (ВИЧ-инфицированным, страдающим гепатитом «С» и находящимся в состоянии алкогольного криза). Подобное нарушение несомненно влечет ответственность государства-ответчика на основании статьи 2 Конвенции.

4. И, напротив, с нашей точки зрения ничто не доказывает, что смерть молодого человека последовала, как утверждают его родители, в результате побоев со стороны полицейских. Можно только утверждать, что тот вечер прошел для него достаточно бурно. Так, он вместе со своей спутницей сначала попал в дорожно-транспортное происшествие, потом, примерно в 23 часа, принял участие в драке, и к нему пришлось применить «силовое» задержание. Он резко сопротивлялся попыткам врача обследовать его в больнице и результате чего два раза падал со смотрового стола и получил удары и телесные повреждения от полицейских, чтобы «он дал себя осмотреть», «вел себя крайне возбужденно» (см. показания дежурного врача, пункт 15 настоящего постановления). Тем не менее он вышел «самостоятельно с громкими воплями», и врач «выдала справку об отказе в госпитализации, поскольку пациент ни на что не жаловался» и она «сочла, что его возбужденное состояние было вызвано состоянием сильного опьянения, но при этом он нормально держался на ногах и передвигался» (см. там же).

5. Несомненно, имело место применение силы в отношении П. Таиса и даже, возможно, в несоразмерных пределах. Однако, чтобы сделать заключение, что его смерть была вызвана побоями со стороны полицейских, необходимо доказать наличие причинно-следственной связи. Судебная практика требует доказывания виновности вне всякого разумного сомнения, при этом подобное доказывание основывается на «значительном количестве достаточно серьезных, точных и совпадающих доказательств» (см., например, постановление Европейского Суда по делу «Айдын против Турции» [*Aydim v. Turquie*], Сборник

постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1997-VI). Разве это тот случай? Мы так не дуем.

6. Прежде всего, кроме побоев нанесенных в больнице, нет ни одного указания на то, что происходило во время перевозки молодого человека в полицейский участок (см. пункт 92 настоящего постановления). Если, как отмечается в постановлении (см. уже цитированный пункт 102 настоящего постановления), полицейские действительно не заходили в камеру-вытрезвитель после 1 часа ночи, то следует предположить, что удары (приведшие к смерти) были нанесены молодому человеку в промежуток времени между его доставкой в полицейский участок (около 0 час. 15 мин.) и 1 часом ночи. Но, с другой стороны, ничто не позволяет также утверждать либо заявлять, что (пункт 95 настоящего постановления) насильственные действия «могли иметь место только во время заключения».

7. Перед лицом отсутствия доказательств и даже набора доказательств, большинство судей принципиально исходило (см. уже цитированный пункт 95 настоящего постановления) из того факта, что государство-ответчик не предоставило достоверных объяснений ни в отношении несоответствий и даже противоречий между результатами медицинского осмотра в больнице и отчетом о вскрытии, ни о происхождении повреждений, обнаруженных на теле сына заявителей.

8. Однако подобное рассуждение не убеждает нас ни с фактической, ни с юридической точки зрения. Оно не убеждает нас с точки зрения фактов, потому что мы усматриваем в нем попытку извлечь из отчета о вскрытии (см. пункт 12 настоящего постановления) больше того, о чем там на самом деле говорится. Оно не убеждает нас и юридически, поскольку в данном деле отсутствие достоверного объяснения граничит с переносом бремени доказывания. Как, похоже, вытекает из материалов дела, учитывая наличие нескольких не совпадающих экспертиз, смерть Паскаля Таиса произошла в результате разрыва селезенки. При этом не существует точных и совпадающих доказательств в том, что данная травма произошла в результате побоев. Она могла произойти и в результате резкого падения в камере, что вполне допустимо, учитывая состояние молодого человека, страдающего тяжелой болезнью, который к тому же находился в состоянии алкогольного опьянения и за несколько часов до этого оказался участником целого ряда насильственных событий. Короче, как говорит судья Ковлер, ничто не позволяет усомниться в убедительности объяснений государства-ответчика в отношении происхождения телесных пов-

реждений и что, в любом случае, превращать, исходя из пользы дела, тест на наличие доказанности вне всякого разумного сомнения в презумпцию виновности полицейских и ответственности государства-ответчика противоречит, как нам представляется, существующей судебной практике. Подобная презумпция могла бы иметь место, но в обстоятельствах сильно отличающихся от фактов по настоящему делу.

9. Мы будем более краткими в отношении пробелов в расследовании. С нашей точки зрения, следственный судья и остальные должностные лица провели беспристрастное, полное и точное расследование (с точки зрения судебной практики: см. постановление Европейского Суда от 27 сентября 1995 г. по делу «Макканн против Соединенного Королевства» [*Mc Cann c. Royaume-Uni*], серия «А», стр. 324), которое было достаточно эффективным. Можно только сожалеть, что не была получена санкция на следственный эксперимент с воспроизведением событий. Верно, что, с учетом некоторых обстоятельств, Суд счел, что отсутствие воспроизведения событий могло отрицательно сказаться на эффективности расследования (см. постановление Европейского Суда от 28 марта 2006 г. по делу «Перк против Турции» [*Perk c. Turquie*], § 80). Тем не менее, в отличие от дела «Перк против Турции», в данном случае следственный судья привел достаточно убедительные объяснения отказа в проведении следственного эксперимента. Кроме того, мы не убеждены, что такое воспроизведение событий было бы полезным и позволило бы сделать определенные заключения. Нам представляется также, что тот факт, что спутница молодого человека не была допрошена еще раз, не отразился на расследовании, так как, во-первых, она была допрошена в самом начале расследования и, во-вторых, два раза не являлась по вызовам следственного судьи (пункт 107 настоящего постановления).

10. Зато, как нам представляется, исключительно прово-лочка в расследовании настолько отразилась на его эффективности, что мы сочли возможным проголосовать с большинством за пункт 2 резолютивной части. Практика суда требует «разумных сроков проведения расследования», что «подразумевалось в данном контексте» (см. постановление Европейского Суда по указанному выше делу «Перк против Турции», § 77). Достаточно посмотреть на сроки процессуальных действий по данному делу (пункт 106 настоящего постановления), чтобы убедиться, что они далеко вышли за рамки разумных, особенно учитывая горе и страдания родителей, которые только усиливались в результате столь долгой неопределенности.

Перевод с французского языка.

© Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека»